

ГЕРМАНЪ ГРИММЪ

**М**ИКЕЛЬ

АНДЖЕЛО

БУОНАРРОТИ

ВЫП: 3

ПЕРЕВОДЪ ВЪ МАЛАХІЕВОЙ-МИРОВИЧЪ  
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕДАКЦІЯ КНИГИ  
М. В. ДОВУЖИНСКАГО И В. Н. ЛЕВИТСКАГО

І 9 І 3

ИЗДА  
ГРЯДУЩИ  
ДЕНЬ  
СПБ  
РЕДАКТОРЪ  
А. А  
ВОЛЫНСКІЙ

11 ФЕВ 2008

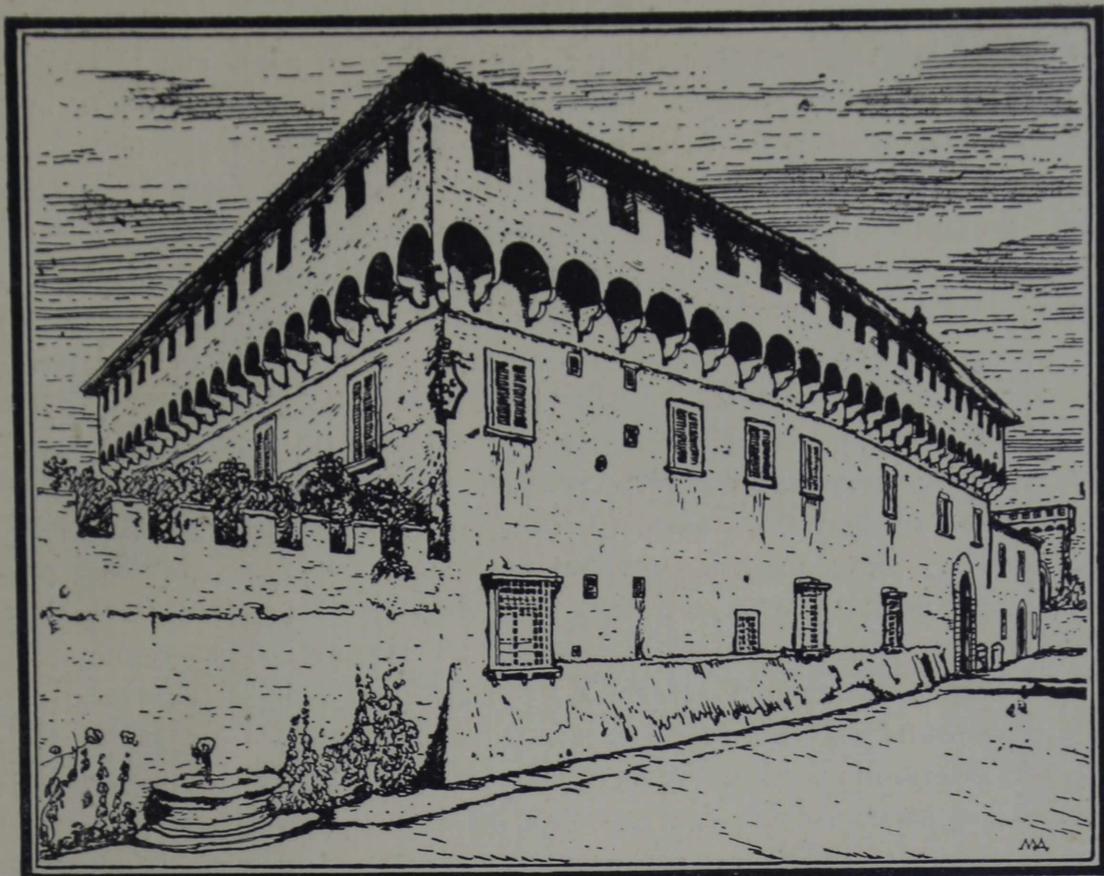


ПРОБЕРИ



ПОРТРЕТЪ  
МИКЕЛЬ-  
АНДЖЕЛО  
ДЖІУЛІАНО  
БУДЖІАРДИНИ  
ГАЛЛЕРЕЯ  
БУОНАРРОТИ  
ФЛОРЕНЦІА

В. Л.



В И Л Л А М Е Д И Ч И в К А Р Е Д Ж И.



О времени убійства Джуліано прежнее безпечно веселое настроеніе, всегда царившее при дворѣ Медичи, уже больше не возвращалось. Умолкъ шумъ устраиваемыхъ въ Кареджи празднествъ, на которыхъ поэты и музыканты состязались въ искусствѣ, ученые вели философскія бесѣды подъ тѣнью лавровъ, и всѣ вообще участники беззаботно предавались мечтамъ о будущемъ съ тѣмъ довѣріемъ къ жизни, какое необходимо для духовно-непосредственнаго наслажденія ея дарами. Перемѣна, совершившаяся въ настроеніи Медичи, отразилась на всей жизни Флоренціи. Грозовыя тучи еще не заволокли неба, но всѣми чувствовалось ихъ приближеніе.

Два обстоятельства давали тогда тонъ политической жизни флорентійской республики. Во-первыхъ, по мѣрѣ того какъ силою обстоятельствъ расширялась власть Лоренцо, у равной ему по знатности аристократіи, у всѣхъ этихъ Строцци, Содерни, Каппони и другихъ могущественныхъ родовъ, выросло опасеніе попасть къ нему въ зависимость. Во-вторыхъ, чѣмъ яснѣе Лоренцо чувствовалъ вражду къ себѣ, ея неизбежность, тѣмъ больше долженъ былъ онъ стараться не подавать своимъ поведеніемъ и виду, что думаетъ о ней, направляя усилія къ тому, чтобы привлечь на свою сторону демократическіе слои народа. Отсюда тѣ непрерывныя публичныя празднества и увеселенія, какія онъ устраивалъ для простонародья. Можно, пожалуй, спорить противъ утвержденія, будто Лоренцо стремился стать неограниченнымъ правителемъ Флоренціи. Вѣдь извѣстно, съ какою настойчивостью убѣждалъ онъ своего сына никогда не забывать, что Медичи—лишь первые граждане республики. Но если даже и допустить, что Лоренцо сознавалъ опасности, связанныя съ возвышеніемъ его семьи въ герцогское достоинство, и хотѣлъ отсрочить ихъ наступленіе, все-же сила вещей дѣлала этотъ шагъ неизбежнымъ въ глазахъ всякаго освѣдомленнаго человѣка. Финансовое положеніе Медичи принуждало ихъ захватить въ свои руки безконтрольное распоряженіе государственной казной. Необходимость этого съ каждымъ годомъ становилась все настоятельнѣе и вела къ тираніи.

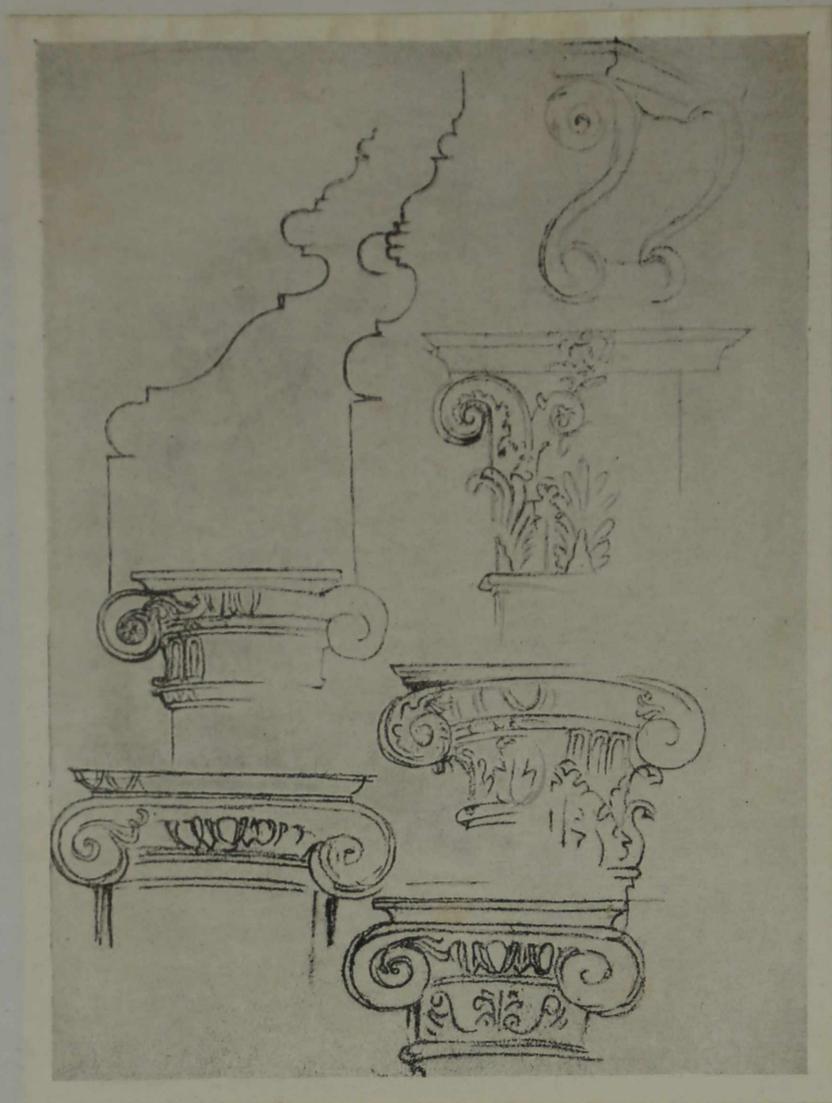
Въ этомъ обстоятельствѣ и таились зародыши будущей бури. Флорентійцы были слишкомъ опытными купцами, чтобы не сообразить, къ чему клонится политика Медичи. Однако, пока создавались поводы опасной для Лоренцо борьбы, нуженъ былъ человѣкъ, который объявилъ-бы ее, который сталъ-бы ея руководителемъ, тѣмъ болѣе, что настроеніе недовольства среди массы гражданъ само по себѣ еще недостаточно созрѣло. При такихъ обстоятельствахъ во Флоренціи выступила новая сила, опасная и сокрушительная, въ лицѣ человѣка, достаточно мужественнаго для того, чтобы облечь плотью мечты своего духа. Человѣкъ этотъ былъ Джироламо Савонарола, и мечтой его была полная политическая и нравственная реформа Флоренціи во имя ея свободы. Судьба благоприятствовала его замыслу.

Савонарола былъ родомъ изъ Феррары. Онъ поселился во Флоренціи въ возрастѣ тридцати семи лѣтъ, въ томъ самомъ году, когда Микель-Анджело былъ принятъ во дворецъ Лоренцо. Савонарола уже и раньше пріѣзжалъ сюда на короткое время, но тогда его проповѣди не встрѣтили отклика въ сердцахъ флорентійцевъ. Теперь-же, будучи уже вполне зрѣлымъ человѣкомъ, онъ сразу сталъ на тотъ путь, которому не измѣнялъ до конца жизни. Убѣжденія его сложились почти съ дѣтскихъ лѣтъ, и онъ не отступилъ отъ нихъ до самой смерти.



МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.  
**АПОЛЛОНЪ.**  
БЕРЛИНЪ-КОРОЛЕВСКИЙ МУЗЕЙ.





МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

CASA BUONARROTI ФЛОРЕНЦІЯ.

ДЕТАЛЬ АНТИЧНОЙ АРХИТЕКТУРЫ.

Ученическіе годы.

Этого нѣжнаго, одинокаго, внутренне сосредоточеннаго чловѣка, сотканнаго словно изъ желѣзныхъ кружевъ, можно было-бы назвать идеей, облеченной въ плоть и кровь. Воля, его одушевлявшая, гнавшая впередъ и державшая его въ напряженіи, выступаетъ изъ каждаго поступка Савонаролы съ такою чистотой, что явленіе чудесной, но односторонней силы кажется чѣмъ-то даже ужаснымъ. Мы, люди, всегда живемъ въ чадѣ неопредѣленности, намъ необходимой. Даже Гёте признавался въ нѣкоторой духовной неразборчивости. Время производитъ перемѣны въ нашихъ мысляхъ, и противостоятъ этому процессу мы не можемъ. Отъ одного мы переходимъ къ другому, сбиваемся то вправо, то влѣво отъ настоящаго пути, считаемъ большимъ событіемъ, когда намъ удастся хотя на короткое время взять въ свои руки руль, когда чувствуемъ, что, по крайней мѣрѣ, въ цѣломъ не идемъ назадъ



РИСУНОКЪ

МИКЕЛЬ  
АНДЖЕЛО  
БУОНАР  
РОТИ

ПЕРВЫЙ  
ФЛОРЕН-  
ТИЙСКІЙ  
ПЕРІОДЪ



ЛУВРЪ.



ПАРИЖЪ



А Савонарола пересѣкъ туманное море жизни, какъ корабль, не нуждающійся въ парусѣ и благопріятныхъ вѣтрахъ, не сбивающійся съ пути даже при грозныхъ буряхъ и самъ въ себѣ несущій ту силу, которая мчитъ его впередъ и не даетъ уклониться ни на шагъ отъ разъ намѣченнаго направленія. Двадцатитрехлѣтнимъ юношей бѣжалъ онъ ночью изъ дома отца, чтобы поступить въ монастырь. Родителямъ онъ оставилъ письмо, отразившее спокойную убѣжденность челоуѣка, чистаго передъ лицомъ своей совѣсти. Въ письмѣ этомъ Савонарола скорѣе по-

учаетъ отца, чѣмъ оправдывается передъ нимъ, требуя при этомъ, чтобы тотъ утѣшилъ мать и позаботился о воспитаніи братьевъ.

Савонаролой руководила мысль о Страшномъ Судѣ, который неизбежно обрушится на развращенную Италію и очиститъ почву для высокаго расцвѣта силъ. Міръ, казалось ему, быстрыми шагами приближается къ катастрофѣ. Вся тогдашняя жизнь представлялась ему царствомъ язычества, съ папой и кардиналами во главѣ. Онъ былъ убѣжденъ, что возмездіе уже близко, что чаша терпѣнія переполнилась. Куда ни обращался его взоръ, все поддерживало чувство, искавшее словъ для своего выраженія.

Нравственное паденіе современнаго Савонаролѣ итальянскаго общества, дѣйствительно, представляется нестерпимымъ съ нашей точки зрѣнія. Заговоръ Пацци не былъ исключительнымъ событіемъ для того времени—вся жизнь складывалась по такому образцу. Не было въ ту эпоху замѣтнаго человѣка, смерть котораго не давала-бы повода подозрѣвать отравленіе. Такова первая, самая естественная мысль, неволью возникающая при чтеніи дошедшихъ до насъ мемуаровъ. Внѣбрачныя дѣти дѣвушекъ или незаконно прижитыя замужними женщинами не вызывали осужденія и въ общественномъ мнѣніи ничѣмъ не отличались отъ законныхъ. Комминъ отмѣчаетъ это, какъ особенно поразившую его черту итальянскихъ нравовъ той эпохи. Предательство поджидало на каждомъ шагу, и презрѣніе навлекало на себя только тотъ, кого можно было перехитрить. Трусовость считалась преступленіемъ лишь тогда, когда, не поддержанная коварствомъ, она не достигала своихъ цѣлей. Умнымъ-же признавался тотъ, кто не полагался даже на самыя чистосердечныя завѣренія.

Тогда не существовало того, что мы теперь называемъ стыдомъ передъ общественнымъ мнѣніемъ. Вотъ примѣръ того, какъ жили и какъ думали въ тѣ времена. Филиппо Липпи, лучший изъ учениковъ Мазаччіо, былъ кармелитскимъ монахомъ. Подобно многимъ другимъ монахамъ, онъ занимался живописью, но рѣдко располагалъ какими-нибудь денежными средствами. Однако, несмотря на свое всѣмъ извѣстное распутство, онъ получилъ отъ одного женскаго монастыря предложеніе написать на стѣнѣ храма образъ Св. Маргариты. Филиппо потребовалъ натурщицу, монахини дали ему красивую послушницу, Лукрецію Бути. Въ одинъ прекрасный день онъ бѣжалъ съ нею изъ монастыря. Родители дѣвушки подняли шумъ и вскорѣ нашли Лукрецію, которая, однако, заявила, что ни за что на свѣтѣ не разстанется съ Филиппо. Тогда папа Евгенийъ предложилъ художнику освободить его отъ монашескаго обѣта, чтобы онъ могъ, по крайней мѣрѣ, обвѣнчаться съ Лукреціей. Но Филиппо и слышать объ этомъ не хотѣлъ, и все осталось безъ пере-



ФРА ФИЛИППО ЛИППИ.

АКАДЕМІЯ. ФЛОРЕНЦІЯ.

ДЕТАЛЬ КАРТИНЫ «ВѢНЧАНІЕ БОГОМАТЕРИ».

Лукреція Бути.

мѣнѣ. Впослѣдствіи онъ былъ отравленъ родственниками одной изъ обманутыхъ имъ женщинъ. Тѣмъ не менѣе Филиппо Липпи былъ создателемъ ликовъ Мадоннъ, исполненныхъ нѣжной чистоты. Въ своихъ произведеніяхъ онъ проявилъ лучшія черты своей натуры, какихъ мы не видимъ въ твореніяхъ современныхъ ему духовныхъ лицъ. Почтенные пастыри, епископы и кардиналы открыто признавали себя въ то время авторами стиховъ, въ сравненіи съ которыми «Amores» Овидія—лишь дѣтская пѣсня. Въ семьяхъ преступленія совершались за преступленіями, при чемъ ихъ даже и не скрывали ни отъ кого. Религія была осмѣяна и уни-

жена. Даже папы не принимали важныхъ рѣшеній, не посоветовавшись предварительно съ официальными астрологами и гадателями. При такихъ условіяхъ естественно должно было родиться чувство, что міръ пришелъ къ концу.

Это чувство, безмолвно нараставшее въ Савонаролѣ, не приводило его въ отчаяніе, не отнимало надежды на возможность спасенія. Оно лишь побуждало его раскрыть людямъ глаза на близость ихъ гибели и спасти то, что еще можно было спасти. Съ такимъ замысломъ ушелъ онъ изъ родительскаго дома и сталъ добиваться высокаго положенія, чтобы голосъ его былъ услышанъ всей Италіей. Съ рвеніемъ предался онъ долгимъ годамъ ученія, полнымъ лишеній и отчаянія. Упорными занятіями подготавливался онъ къ избранному имъ служенію. Сначала проповѣди его были настолько грубы и неискусны, что часто онъ и самъ сомнѣвался въ своей пригодности для каѳедры. Но, наконецъ, пробилъ часъ, когда суждено было ему осуществить свое призваніе. Самъ Лоренцо Медичи потребовалъ перевода Савонаролы во Флоренцію. Графъ Пико Мирандола, въ которомъ современники видѣли воплощеніе мужскихъ совершенствъ, человѣкъ выдающейся красоты, рыцарскаго благородства, знатности, богатства и широкой образованности, познакомился съ Савонаролой въ Реджіо, когда тамъ собрался генеральный конвентъ доминиканскаго монашескаго ордена. Пико обратилъ на него вниманіе Лоренцо, и тотъ, стараясь привлечь во Флоренцію все, что было лучшаго въ Италіи, добился перевода Савонаролы въ Санъ-Марко, любимый монастырь Медичи. Монастырь этотъ они построили недавно и снабдили цѣнной библіотекой.

Въ этомъ монастырѣ и сталъ проповѣдывать Савонарола. Но вскорѣ церковь оказалась слишкомъ невмѣстительной, и Савонарола перенесъ свою проповѣдь на монастырскій дворъ. Здѣсь, стоя подъ сѣнью персидскихъ розъ, среди толпы, ловившей каждое слетавшее съ его устъ слово, съ потрясающимъ убѣжденіемъ говорилъ онъ о вещахъ, волновавшихъ его сердце. Онъ пророчествовалъ о будущемъ. Но въ характерѣ его не было вовсе туманной неопредѣленности, свойственной обыкновенно прорицателямъ. Фантазія его была не особенно широка, не отличалась богатствомъ красочныхъ образовъ. Это была скорѣе трезвая натура, мышленіе которой обострилось до экстаза. Немногія свои положенія Савонарола умѣлъ внушать насильно, при чемъ выводы онъ дѣлалъ изъ нихъ съ безупречною въ научномъ смыслѣ слова послѣдовательностью. Его призваніемъ была политика, свои идеи онъ тотчасъ-же стремился примѣнить на дѣлѣ.

Сначала въ проповѣдяхъ Савонаролы не было ничего, что могло-бы показаться подозрительнымъ Лоренцо. Необходимость реформировать церковь была тогда мыслью общепризнанной. При всей своей склонности къ философіи Платона Медичи никогда не выказывали нерас-



ВИЛЛА КАРЕДЖИ (грав. XVIII в.). Академія Художествъ. СПБ.

положенія къ офіціальному христіанству и были близки къ кругамъ духовенства, впрочемъ, не менѣ ихъ проникнутаго языческими тенденціями. Они выполняли церковные обряды. Наряду со свѣтскими стихами Лоренцо написалъ и драму духовнаго содержания и сочинялъ духовныя пѣснопѣнія. Вообще ко всему, достойному покровительства, онъ относился съ настоящею философскою терпимостью. При этомъ самая возможность мирнаго сожительства въ его душѣ такихъ противоположностей объясняется особенностью романскаго характера, безъ всякаго лицемѣрія предающагося противорѣчивымъ стремленіямъ, которыя духу германскому кажутся несомѣстимыми. Итальянскіе проповѣдники съ кафедры цитировали языческихъ писателей, какъ благочестивыхъ отцовъ церкви. Даже суровый Савонарола, придерживаясь въ этомъ вопросѣ взглядовъ довольно строгихъ, ничуть не склоненъ былъ, однако, налагать проклятіе или запретъ на античныхъ писателей. Онъ требовалъ лишь, чтобы фривольныя сочиненія классическихъ авторовъ юношеству въ руки не давались.

Лоренцо Медичи такъ щедро благодѣтельствовалъ монастырю Санъ Марко, что ему казалось естественнымъ ждать выраженій благодарности и преданности. Но Савонарола, вскорѣ ставшій здѣсь пріоромъ, былъ далекъ отъ этого. Онъ полагалъ, что Провидѣніе, а не Лоренцо, привело его во Флоренцію, желая испытать, окажется-ли онъ послушнымъ орудіемъ божьяго промысла. Ставъ во главѣ монастыря, онъ даже и не подумалъ явиться во дворецъ Медичи. Богъ призвалъ его на это служеніе, и только Его, а не кого-либо изъ людей, долженъ онъ благодарить за

милость. Лоренцо не придавалъ этому значенія, продолжалъ попрежнему посѣщать монастырь и благотворительствовать ему. Денежные вклады его въ монастырскую казну Савонарола сейчасъ-же и почти вызывающимъ образомъ употреблялъ на дѣла филантропическія. Онъ объявилъ, что намѣренъ въ строгости блюсти уставъ ордена, запрещающій монахамъ имѣть какую-либо собственность. Дары эти Савонарола сдѣлалъ предметомъ своихъ проповѣдей: когда вѣрной собацѣ кидаютъ кусокъ мяса, говорилъ онъ, то, конечно, она хватаетъ его, но черезъ мгновеніе бросаетъ и съ новой силой начинаетъ лаять на воровъ и тирановъ.

Лоренцо занималъ слишкомъ высокое положеніе, чтобы поддаться раздраженію. Открытое нападеніе противорѣчило-бы всей традиціонной политикѣ Медичи. Поэтому онъ нѣсколькимъ знатнѣйшимъ флорентійцамъ поручилъ посовѣтовать пріору, какъ-бы отъ собственнаго ихъ имени, измѣнить свое поведеніе. Почему онъ безъ видимой причины волнуетъ народъ? «Я только обличаю во имя Божье порокъ и несправедливость—возразилъ Савонарола. Такъ поступала и церковь въ свои первыя времена. Я прекрасно знаю, откуда вы пришли и кто прислалъ васъ ко мнѣ. Но передайте властелину Лоренцо деи Медичи, чтобы онъ обратился къ своей совѣсти, такъ-какъ Господь призоветъ его за грѣхи предъ судилище Свое. Скажите ему также, что я здѣсь чужой, а онъ полноправный гражданинъ. Но я здѣсь останусь, онъ-же удалится прочь». Таковы были заключительныя слова его отвѣта.

Лоренцо отнесся къ нему, какъ свѣтскій человѣкъ. Онъ не снизошелъ до чувства обиды и не допустилъ завлечь себя на путь рѣзкихъ поступковъ, рѣшивъ дѣйствовать иными средствами. Онъ предпочелъ выставить Савонаролу съ его пророчествами въ смѣшномъ видѣ. Среди лицъ, приверженныхъ къ семьѣ Медичи, былъ одинъ ученый августинскій монахъ Маріано, поклонникъ Платона и выдающійся церковный ораторъ. Его-то и послали въ огонь. Маріано произнесъ проповѣдь на текстъ: «Не вѣсте бо дня и часа, въ онъ-же пріидетъ Сынъ Человѣческій во славу Своей». Все, что имѣло во Флоренціи вѣсъ, поспѣшило послѣ проповѣди выразить Маріано свое одобреніе.

Савонарола принялъ вызовъ. Онъ рѣшилъ сказать проповѣдь на тотъ-же текстъ. Но тогда-какъ Маріано дѣлалъ удареніе на словахъ, что намъ не дано знать дня и часа, Савонарола толковалъ текстъ иначе: намъ дано знать, говорилъ онъ, что близко время, не дано только знать дня и часа. Въ толпѣ, собравшейся на эту проповѣдь, слышались рыданія. Даже сторонниковъ Лоренцо, графа Мирандолу, Марсилія Фичино, возжигавшаго лампаду передъ статуей Платона, какъ передъ образомъ святого, завятаго ученаго классика Полиціано, Савонарола привлекъ на свою сторону. Всѣ



МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

СИСТИНСКАЯ КАПЕЛЛА. РИМЪ.

ЭРИФРЕЙСКАЯ СИВИЛЛА.

были увлечены его доводами. Потокъ его краснорѣчія лился точно съ неба. Не хотѣлось ему и возражать, пока онъ говорилъ: слова его звучали, какъ приказанія. Они врѣзывались въ душу неизгладимо. Казалось, что они могутъ ее переродить. Флорентійскія женщины сбрасывали съ себя роскошные наряды и облекались въ скромныя одежды. Враги склонялись къ примиренію, купцы возвращали нечестно полученные барыши. Молодые и счастливые супруги разлучались и уходили въ монастырь. Виволи, записавшій и напечатавшій рѣчи Савонаролы, рассказываетъ, что выступавшія на глаза слезы мѣшали ему слѣдить за проповѣдникомъ. Въ концѣ концовъ самому Лоренцо пришлось склониться передъ силой духа Савонаролы или, по крайней мѣрѣ, попросить у него словъ утѣшенія.

Случилось это въ посту 1492 года. Буря религіознаго одушевленія овладѣла всей Флоренціей. Къ празднику Пасхи проповѣди Савонаролы заканчивались. Вдругъ неожиданно заболѣваетъ Лоренцо. Такъ какъ ему было всего только сорокъ четыре года, то подозрѣвали отравленіе и здѣсь. Болѣзнь продолжалась недолго. Лоренцо лежалъ въ Кареджи, своей пригородной виллѣ недалеко отъ Флоренціи. Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ простился съ друзьями, послѣ чего причастился, исполненный смиренной покорности церкви.

Затѣмъ онъ потребовалъ къ себѣ Савонаролу. Что произошло между ними, неизвѣстно. Полиціано, письма котораго содержатъ подробное описаніе послѣднихъ дней Лоренцо, рассказываетъ, что они разстались примиренными, что Савонарола далъ ему свое благословеніе. Но изъ другихъ источниковъ извѣстно, что Савонарола отказался благословить тирана. Когда Лоренцо согласился исполнить два предъявленныхъ къ нему требованія: признать милосердіе Божіе и отдать неправедными путями приобрѣтенныя богатства, Савонарола выразилъ еще одно требованіе: чтобы Медичи возвратилъ Флоренціи свободу. Лоренцо молча отвернулся къ стѣнѣ, и Савонарола покинулъ дворецъ.





МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

БРИТАНСКИЙ МУЗЕЙ. ЛОНДОНЪ.

РИСУНОКЪ СТАРИКА.

Ученическіе годы у Гирландайо.



ОРНАМЕНТАЛЬНЫЙ МОТИВЪ **XXX** РИЗНИЦА  
САНЪ ЛОРЕНЦО **XXX** ФЛОРЕНЦІЯ



МИКЕЛЬ - АНДЖЕЛО, вѣроятно, находился среди тѣхъ слугъ и домочадцевъ, которые, по рассказамъ современниковъ, съ плачемъ окружили смертное ложе Лоренцо. Онъ такъ удрученъ былъ этой потерей, что долгое время не могъ взяться ни за какую работу. Покинувъ дворецъ, Микель - Анджело вернулся въ домъ отца, гдѣ устроилъ себѣ мастерскую. Въ управленіе Флоренціей вступилъ Піеро, старшій сынъ Лоренцо. По всей Италіи вѣсть о смерти великаго Ме-

дичи была встрѣчена, какъ общее несчастье. Она усилила предчувствіе грядущихъ бѣдъ.

Про своихъ трехъ сыновей Лоренцо будто-бы говорилъ, что одинъ изъ нихъ добръ, другой разуменъ, а третій—глупъ. Добрымъ считался Джуліано, которому въ годъ смерти отца исполнилось тринадцать лѣтъ. Репутаціей разумнаго пользовался Джіованни, несмотря на свои семнадцать лѣтъ уже получившій званіе кардинала по милости папы, сынъ котораго былъ женатъ на дочери Лоренцо. Глупымъ Лоренцо считалъ



МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

СВ. АННА И МАРИЯ.

ЛУВРЪ. ПАРИЖЪ.

Рисунокъ перомъ.

Первый флорентійскій періодъ.

сына своего Піеро, отзываясь о немъ съ безпокойствомъ въ бесѣдахъ съ друзьями. Отъ его пронизательнаго взгляда не могли укрыться недостатки будущаго преемника власти, полная неспособность его къ притворству.

Піеро былъ молодъ, высокоумренъ и рыцарски прямодушенъ. По духу это былъ не Медичи, а Орсини, изъ рода которыхъ происходили его мать Кларисса и жена Альфонсина. Съ гордостью и властолюбіемъ этихъ женщинъ было совмѣстимо только одно, чтобы Піеро деи Медичи былъ во Флоренціи владыкою легитимнымъ. И Піеро не противился ихъ вліянію. Его молодой неопытности былъ чуждъ принципъ политики скрытыхъ дѣлъ и воздѣйствій. Полный дерзкихъ стремленій, воспитанный среди избытка придворныхъ возможностей, онъ и не думалъ даже



МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

БРИТАНСКІЙ МУЗЕЙ. ЛОНДОНЪ.

РИСУНОКЪ ПЕРОМЪ.

Первый флорентійскій періодъ.

скрывать своихъ замысловъ. Свадьба его была отпразднована неаполитанскимъ королемъ съ торжественностью, какая подобаеть только наследникамъ престоловъ. Съ такими-же почестями былъ онъ принятъ и въ Миланѣ, куда отецъ послалъ его на вѣнчаніе молодого Сфорца. Теперь-же, когда власть очутилась въ его рукахъ, онъ рѣшилъ открыто объявить себя герцогомъ Флоренціи, опираясь при этомъ на непреодолимую силу обстоятельствъ и на поддержку могущественныхъ Орсини.

Благоприятный случай для этого не замедлил представиться. Со смертью Лоренцо исчезла сила, сдерживавшая взаимную вражду Неаполя и Милана и тонкой сѣтью раскинутыхъ по всей Италіи дипломатическихъ вліяній охранявшая миръ. Современники говорили, что при Лоренцо Флоренція, какъ скала, стояла между двумя бушующими морями.

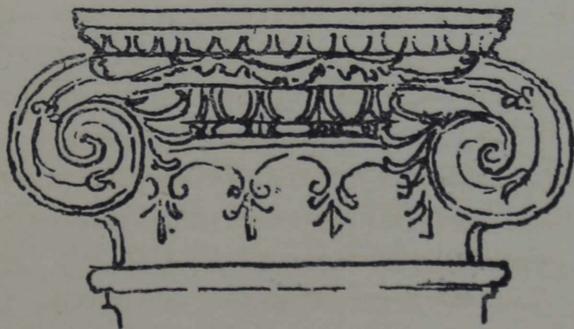
Италія была въ то время свободной страной, независимой отъ политики иноземныхъ государей. Три силы поддерживали въ ней политическое равновѣсіе на морѣ и на сушѣ. Это были: Венеція съ ея замкнутымъ патриціатомъ, Неаполь подъ властью арагонской династіи, отвѣтвенія правившей въ Испаніи семьи, и Миланъ съ Генуей подъ владичествомъ Сфорца. Лоренцо господствовалъ надъ средней Италіей. Мелкіе-же правители Романьи находились въ зависимости отъ него, а папа былъ съ нимъ въ наилучшихъ родственныхъ отношеніяхъ. Опасность угрожала только со стороны Милана. Тамъ Людовико Сфорца, опекунъ племянника своего Джіанъ Галеаццо, захватилъ въ руки всю власть. Разрушая душевное и тѣлесное здоровье молодого герцога, Сфорца медленно готовилъ ему смерть. Но жена Галеаццо, дочь неаполитанскаго короля, разгадала его планы и обратилась за помощью къ своему отцу, требуя, чтобы онъ измѣнилъ невыносимое положеніе вещей. Однѣми своими силами Сфорца устоять противъ Неаполя не могъ-бы, а на поддержку дружественной Венеціи онъ и не рассчитывалъ, пока былъ живъ Лоренцо. Да и самого неаполитанскаго короля Лоренцо удерживалъ отъ рѣшительныхъ дѣйствій. Но теперь, послѣ его смерти, ничто больше не мѣшало свести счеты съ Людовико Сфорца. Піеро Медичи сейчасъ-же заключилъ союзъ съ Неаполемъ. Сфорца-же обратился за помощью къ Франціи, корона которой незадолго передъ тѣмъ досталась молодому, жаждавшему славы королю. Смерть папы Иннокентія VIII и избраніе на его мѣсто Александра Борджіа еще больше увеличили запутанность наступившаго положенія вещей.

Началу военныхъ дѣйствій предшествовали долгіе дипломатическіе переговоры. Дѣло шло, конечно, не о благѣ народовъ,—объ этомъ думали меньше всего,—но и не о прихотяхъ властителей исключительно. Въ переговорахъ этихъ итальянская знать принимала живѣйшее участіе. Буря интригъ разыгралась при французскомъ дворѣ, такъ-какъ арагонская династія отняла у французовъ Неаполь. Изгнанные оттуда, тяготѣвшіе къ Франціи бароны, имѣнія которыхъ были розданы новыми государями своимъ приверженцамъ, воспламенились надеждой побѣдоносно вернуться на родину. Враждебно относившіеся къ Борджіа кардиналы во главѣ съ Санъ Піеро in Vincoli, племянникомъ покойнаго Сикста, и Асканьо Сфорца, братомъ Людовико, искали войны противъ Александра VI. Наконецъ, флорентійскіе аристократы, предвидѣвшіе насилія Піеро Медичи, надѣялись свергнуть его при содѣйствіи французовъ и, поэтому, под-

держивали въ Ліонѣ, гдѣ выросла колонія флорентійскихъ торговыхъ домовъ, сторонниковъ войны. Они доказывали, что Сфорца добивается возстановленія славы и законныхъ правъ своего рода на власть въ Миланѣ.

Съ другой стороны, арагонцы старались внушить французскому двору страхъ передъ королемъ Испаніи, который не дастъ въ обиду своихъ родственниковъ. Къ тому-же папа и Піеро Медичи держали сторону Неаполя, а французское дворянство не желало похода въ Италію. Венеція сохраняла нейтралитетъ. Но война могла оказаться для нея выгодной, и поэтому она не возражала противъ нея. Мысль, что можно будетъ урвать кое-что и въ свою пользу, овладѣла мало-по-малу всѣми интригующими партіями, даже тѣми, которыя вначалѣ желали сохранить миръ.

Первый выигрышъ достался Испаніи: Франція уступила королю Фердинанду спорную провинцію подъ условіемъ, что онъ не окажетъ поддержки своему неаполитанскому родственнику. По праву генуэзскаго властителя Сфорца хотѣлъ вновь подчинить себѣ Лукку и Пизу вмѣстѣ съ ихъ областями: незадолго передъ тѣмъ ими овладѣли Висконти. Теперь онъ заявилъ на нихъ свои права. На что рассчитывалъ Піеро деи Медичи—уже было сказано. Пиза надѣялась добиться свободы. Папа своимъ союзомъ съ Неаполемъ хотѣлъ сдѣлать первый шагъ къ осуществленію большихъ плановъ, задуманныхъ имъ въ свою пользу и въ пользу своихъ сыновей. Всю Италію хотѣлъ онъ раздѣлить между членами фамиліи Борджіа. Французы стремились приобрѣсти Неаполь и новымъ крестовымъ походомъ двинуться на турокъ. Даже займы на нужды борьбы съ Италіей французскій король дѣлалъ подъ флагомъ крестовой войны. Наконецъ, венеціанцы искали возможности расширить свою власть надъ городами адриатическаго побережья. Осенью 1494 года Карлъ Французскій сталъ во главѣ своихъ рыцарей и наемныхъ войскъ и двинулся черезъ Альпы. Флотъ съ артиллеріей, страшнымъ оружіемъ французовъ, направился въ это время подъ парусами къ Генуѣ.



МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

Набросокъ капители.



МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

РИСУНОКЪ ПЕРОМЪ. КАБИНЕТЪ ГРАВЮРЪ. БЕРЛИНЪ.

Первый флорентійскій періодъ.



МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО (?).

СПЯЩИЙ АМУРЪ.

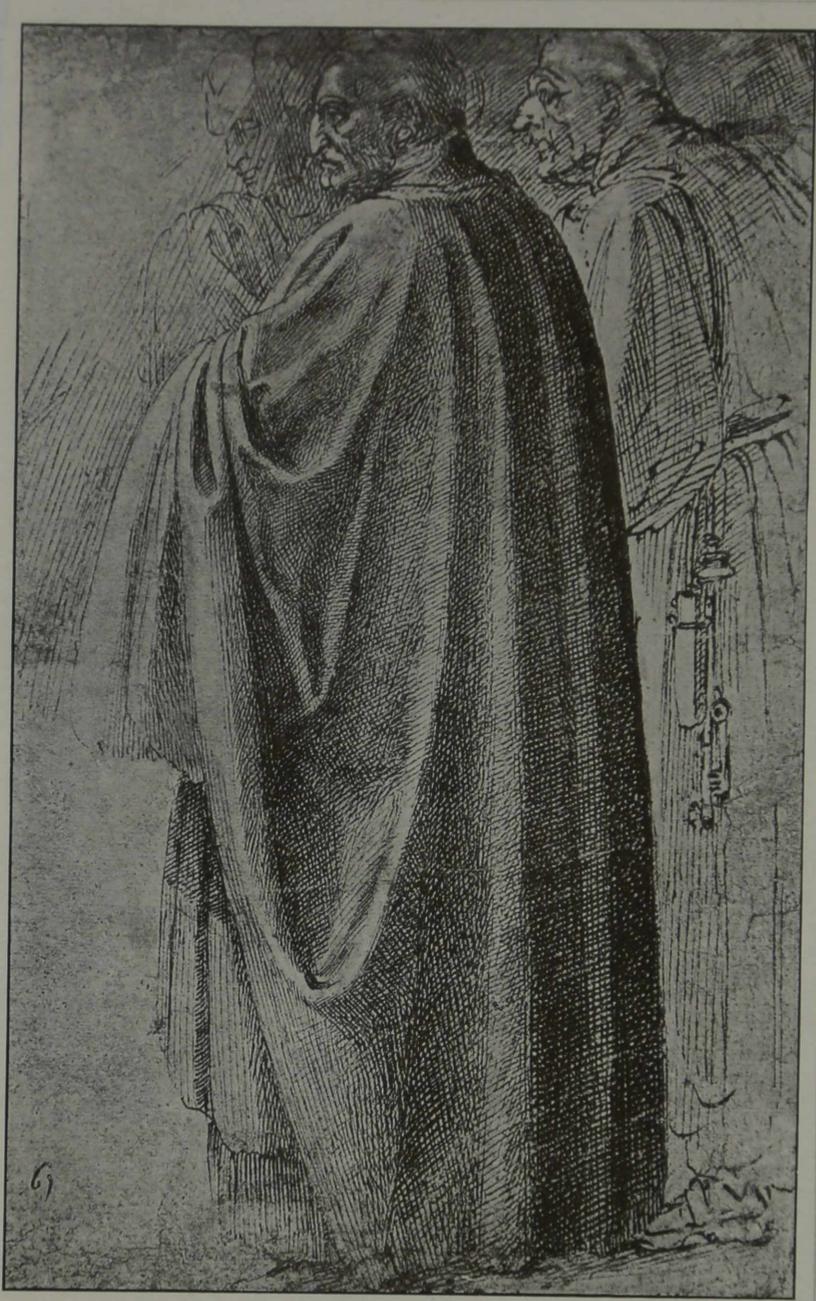
АРХЕОЛОГИЧ. МУЗЕЙ. ТУРИНЪ.



ВЪ ТЕЧЕНІЕ тѣхъ двухъ лѣтъ, когда назрѣвали эти событія, Микель-Анджело, не достигшій еще и двадцатилѣтняго возраста, сталъ работать вполне самостоятельно. Онъ купилъ кусокъ мрамора и сдѣлалъ изъ него Геркулеса въ четыре фута вышины. Эта статуя долго стояла въ палаццо Строцци, была затѣмъ продана во Францію, а теперь, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, находится въ Англіи.

Изъ дальнѣйшихъ его работъ называютъ «Распятіе» почти въ натуральную величину для церкви монастыря Санъ Спирито. Этотъ заказъ принесъ большую пользу художнику, такъ какъ пріоръ монастыря, расположенія котораго добился Микель-Анджело, доставалъ ему трупы для занятій по анатоміи. Еще и теперь показываютъ тамъ «Распятіе» и выдаютъ его за произведеніе Микель-Анджело. Но это ошибка.

Переѣздъ изъ дворца Медичи не уничтожилъ связи Микель-Ан-джело съ этой семьей. Нѣчто въ родѣ зависимости отъ нея продолжалось. Пьеро не переставалъ считать художника членомъ своей свиты и приглашалъ его для совѣта по дѣламъ, касавшимся искусства. Но отношенія, державшіяся при Лоренцо, были уже немислимы. Самая молодость Пьеро мѣшала этому. Правда, Пьеро получилъ широкое научное образованіе,



МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

АЛЬБЕРТИНА. ВѢНА.

РИСУНОКЪ ПЕРОМЪ.

Ученическіе годы у Гирландайо.

зналъ латинскій и греческій языки, былъ краснорѣчивъ, умѣлъ, когда хотѣлъ, быть любезнымъ, доступнымъ и очаровательнымъ. Но всему на свѣтѣ онъ предпочиталъ рыцарскія забавы, предоставляя другимъ заниматься мелочами правленія и политики. Онъ отличался красотой и ростомъ выше средняго, и мечтой его жизни было стать первымъ наѣзникомъ во Флоренціи, лучшимъ игрокомъ въ мячъ, побѣдителемъ на тур-



МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

ЛУВРЪ; ПАРИЖЪ.

РИСУНОКЪ ПЕРОМЪ.]

Ученическіе годы у Гирландайо.

нирахъ. Онъ гордился тѣмъ, что при дворѣ его числится такой художникъ, какъ Микель-Анджело, но не менѣе гордился и своимъ испанскимъ скороходомъ, служившимъ при главной его конюшнѣ и обгонявшимъ скачущую карьеромъ лошадь.

Въ ночь на 22 января 1494 года во Флоренціи выпало столько снѣгу, что къ утру онъ покрылъ улицы слоемъ въ два локтя глубины. Піеро распорядился позвать Микель-Анджело и велѣлъ ему вылѣпить во дворѣ палаццо снѣжную статую. Въ этомъ усматривали униженіе для художника. Но не слѣдуетъ забывать, что Микель-Анджело былъ тогда лишь начинающимъ скульпторомъ, еще ничего не сотворившимъ. Кромѣ того, вѣдь и знаменитѣйшіе художники того времени не стѣснялись принимать участіе въ публичныхъ торжествахъ, изготовляя для нихъ живописныя или скульптурныя вещи, существовавшія не долѣе снѣжной статуи Микель-Анджело. Поэтому предложеніе Піеро, властителя Флоренціи, не могло показаться юному художнику обиднымъ. Позднѣе такой-же статуей, вылѣпленной изъ снѣга, въ лежачей позѣ, во Флоренціи, молодой Бандинелли впервые обнаружилъ свое дарованіе скульптора. Снѣжная статуя Микель-Анджело заставила Піеро обратить на него серьезное вниманіе. Онъ предложилъ художнику опять поселиться во дворцѣ. Микель-Анджело отвели его прежнюю комнату, и вновь, какъ во времена Лоренцо, онъ обѣдалъ за общимъ столомъ съ семьей Медичи. Старый Людовико Буонарроти, гордясь тѣмъ, что сынъ его вращается въ знатномъ кругу, старательно заботился о приличномъ для него платьѣ. Кто знаетъ, можетъ быть, Микель-Анджело и самъ участвовалъ въ томъ пиршествѣ, украшеніемъ котораго служила его снѣжная статуя. Шумную жизнь Піеро любилъ не меньше своего отца. Подавленное настроеніе, распространявшееся во Флоренціи, овладѣвало умами лишь мало-по-малу, и внѣшнимъ образомъ все текло по старому. Но во дворцѣ Медичи царило безоглядное легкомысліе. Тамъ съ дѣтской безпечностью ожидали событій и не теряли вѣры въ счастливую звѣзду Медичи даже и тогда, когда городъ былъ потрясенъ вѣстью, вызвавшей всеобщее убѣжденіе, что наступаетъ страшный поворотъ въ благоволеніи судьбы: это была вѣсть о первомъ пораженіи неаполитанцевъ.

Изъ всѣхъ силъ Неаполь старался избѣжать войны. Но когда стало очевиднымъ, что она неминуема, онъ рѣшилъ взять на себя роль нападающей стороны. Герцогъ Калабрійскій, сынъ короля, двинулся съ войскомъ черезъ папскія области въ Романью, а Донъ Федерико, братъ его, съ морскими силами отплылъ на сѣверъ, чтобы дѣйствовать противъ Генуи. По общему признанію, Неаполь обладалъ превосходными боевыми средствами. Федерико надѣялся взять Геную до прибытія



МИХЕЛЬ-АНЖЕЛО.

СИКСТИНСКАЯ КАПЕЛЛА. РИМЪ.

ЭРИЮРЕЙСКАЯ СИВЦЛЛА.

(ДЕТАЛЬ).

французовъ и потомъ разбить ихъ флотъ. По дорогѣ онъ зашелъ въ Ливорно, укрѣпленную флорентійскую гавань, гдѣ его съ почетомъ принялъ Піеро и снабдилъ провіантомъ. Тоскана съ надеждой смотрѣла вслѣдъ удалявшимся неаполитанскимъ галерамъ.

Въ Рапалло близъ Генуи Федерико высадило трехтысячное войско. Генуэзское правительство послало противъ него тысячу швейцарскихъ наемниковъ, и неаполитанцы потерпѣли поражение. Федерико не рѣшился сдѣлать вторичную высадку и вмѣстѣ съ флотомъ поспѣшилъ вернуться назадъ въ Ливорно. Послѣ этого Италію охватило чувство, что сопротивленіе безнадежно.

Такой панической страхъ былъ возможенъ лишь въ странѣ, гдѣ миръ не нарушался въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. Только нужда и опасность управляютъ высшими моральными стремленіями людей, и хоть разъ въ жизни человѣкъ долженъ быть предоставленъ собственнымъ силамъ. Чтобы связи общественнаго строя не перепутались и не распустились, необходимо, чтобы народъ отъ времени до времени платилъ новыми усиліями за свою свободу. Должно быть показано значеніе простого, благороднаго человѣка, держащаго на своихъ плечахъ весь социальный строй. Можетъ быть, ничто не было въ такой степени повинно въ печальномъ положеніи вещей, которое клеймилъ Савонарола, какъ именно это отвыкшее отъ военной дисциплины настроеніе итальянскихъ массъ.

Правда, исторія пятнадцатаго вѣка упоминаетъ о войнахъ въ предѣлахъ Италіи. Но въ нихъ участвовали наемные солдаты. Да и что это были за битвы? Подъ Рапалло изъ трехъ тысячъ человѣкъ легло сто, и это вызвало содраганіе ужаса по всей странѣ. Гвиччардини пишетъ, что число это показалось чудовищнымъ. Въ наши дни о такой битвѣ едва-ли сочли-бы нужнымъ и говорить. Достаточно при этомъ читать то, что Гвиччардини или Макиавелли рассказываютъ объ итальянскомъ способѣ веденія войнъ въ пятнадцатомъ вѣкѣ, о безконечныхъ походахъ, во время которыхъ не происходило ни одного серьезнаго столкновенія съ врагомъ, о страшныхъ битвахъ безъ единой капли пролитой крови. Говорятъ, что древніе мексиканцы шли на войну съ деревяннымъ оружіемъ, чтобы не убивать враговъ, такъ-какъ выгоднѣе было брать ихъ въ плѣнъ и продавать. Нѣчто подобное можно было въ то время наблюдать и въ Италіи.

Национальныя войска шли въ дѣло лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Обыкновенно государь или городъ удовлетворялъ свои нужды въ этомъ направленіи наймомъ чужестранцевъ. Но и наемъ производился не самими правительствами: съ однимъ или нѣсколькими подрядчиками заключали договоръ, куда вносились вооруженіе и выплачиваніе жалованія солдатамъ. Этимъ ремесломъ занимались члены высшаго или низшаго итальянскаго дворянства. Они наживались на солдатахъ. Крупные ари-

стократы передавали подряды болѣе мелкимъ, тѣ еще болѣе незначительнымъ и т. д. Венеція, Флоренція, Неаполь, Миланъ, папа—всѣ имѣли своихъ поставщиковъ, бравшихъ подряды на веденіе опредѣленныхъ войнъ и обязывавшихся въ извѣстный срокъ побить врага. Обыкновенно такія войска не имѣли права входить въ города, которымъ они служили, и даже коснуться стѣнъ городовъ, ими завоеванныхъ. Они пользовались общимъ презрѣніемъ и состояли изъ всякаго сброда, стекавшагося въ Италію изъ разныхъ странъ.

При такихъ обстоятельствахъ нельзя было и ждать ни одушевленія борьбы за правое дѣло, ни вражды къ противникамъ. Войны велись съ сохраненіемъ всѣхъ удобствъ. Главной силой была тяжело-вооруженная конница. Она выступала въ походъ только тогда, когда въ странѣ можно было найти фуражъ для лошадей. Зимой, слѣдовательно, войны не происходили. Но если враждующимъ войскамъ и случалось къ началу весны подойти близко другъ къ другу и очутиться въ мѣстности, удобной для сраженія, то все-же зачѣмъ убивать? Пользы это не принесло-бы никому, а лишь причинило-бы убытки военнымъ подрядчикамъ обѣихъ сторонъ. Поэтому, чтобы соблюсти обоюдный интересъ и все-же выказать обусловленную контрактомъ храбрость, битвы обращались въ большіе турниры. Всякій старался взять какъ можно больше плѣнныхъ, чтобы отобрать у нихъ коней и вооруженіе, а самихъ отпустить на всѣ четыре стороны. Ограбленные получали отъ хозяина новую амуницію и мало тужили о потерянной. Разбитыя и разсѣяныя такимъ способомъ арміи претерпѣвали превратности судьбы, не теряя однако ни одного человѣка и вскорѣ снова появляясь на аренѣ войны, какъ ни въ чемъ не бывало. Но былъ и другой, еще болѣе простой способъ добиться побѣды надъ врагомъ. Достаточно было перекупить его войско и присоединить его къ своему или, по крайней мѣрѣ, отослать куда-нибудь подальше. Если-же, все-таки, дѣло доходило до сраженія, то не было и рѣчи о военной тактикѣ или о дѣйствіяхъ артиллеріи. Обѣ стороны бросались другъ на друга, стараясь оставить поле сраженія за собой. Этотъ способъ веденія войны былъ такъ принятъ въ Италиі, казался столь простымъ и естественнымъ, что о другомъ никто и не думалъ. Уже и во времена Данте войны велись по этому шаблону. «Господа, говорилъ флорентійскій полководецъ своимъ войскамъ передъ битвой при Кампальдино, въ нашихъ сраженіяхъ счастливый натискъ рѣшаетъ дѣло. Дерутся недолго, немногіе лишаются жизни. Не принято бить врага на смерть. Возьмемся-же сегодня за дѣло иначе!» Но старые обычаи не измѣнились. Какой-же ужасъ охватилъ итальянцевъ, когда подъ Рапалло они встрѣтились съ народомъ, убивавшимъ тѣхъ, кто не уступалъ ему дороги! «Французы дерутся, какъ дьяволы», гово-

рили тогда въ Италиі. Неслыханной и страшной показалась и тактика швейцарцевъ, французскихъ наемниковъ, сомкнутыми рядами стоявшихъ,



РИС. ШКОЛЫ ФЛУЭ. XVI В.

ЭРМИТАЖЪ, СПБ.

КАРЛЪ VIII.

какъ подвижныя стѣны. Но самымъ чудовищнымъ новшествомъ была французская артиллерія. Впервые въ Италиі увидѣли пушки не при осадѣ крѣпости или города, а въ открытомъ полѣ. вмѣсто каменныхъ

шаровъ, которые раньше выбрасывались колоссальными желѣзными трубами, теперь летали желѣзные ядра изъ жерлъ бронзовыхъ орудій, которые перевозились лошадьми, а не быками, запряженными въ медленно подвигающіяся телѣги, перевозились при содѣйствіи опытныхъ людей и не отставали отъ войска. Они стрѣляли съ губительной мѣткостью, залпъ за залпомъ, безъ перерыва, и то, что раньше требовало многихъ дней, было для нихъ дѣломъ нѣсколькихъ часовъ.

Едва лишь по Флоренціи распространился слухъ о пораженіи при Рапалло, какъ пришла новая вѣсть: Карлъ уже вступилъ въ Ломбардію, часть французскихъ солдатъ двинулась противъ Романьи, а герцогъ Капеллано отступилъ. У Піеро Медичи не было войскъ въ Тосканѣ. Французы завладѣли ею. Карлъ, конечно, могъ пройти и черезъ Романью, но онъ объявилъ, что уклоненіе отъ прямого пути на Римъ и Неаполь противорѣчитъ его королевскому достоинству. Флоренцію охватило отчаяніе. Среди этихъ тревожныхъ событій на долю Микель-Анджело выпало происшествіе и личнаго характера, произведшее на него глубокое впечатлѣніе.

При дворѣ Піеро находился нѣкій Кардіере, импровизаторъ, превосходно игравшій на лютнѣ. Самъ Піеро считался мастеромъ въ области этого искусства, и ежедневно, послѣ вечерней трапезы, упражнялся въ немъ. Однажды утромъ Кардіере, блѣдный и разстроенный, подошелъ во дворѣ палаццо къ Микель-Анджело, отвелъ его въ сторону и рассказалъ, что прошлой ночью ему явился покойный Лоренцо въ черномъ изорванномъ одѣяніи, сквозь которое просвѣчивало голое тѣло, и приказалъ передать его сыну Піеро, что тотъ вскорѣ будетъ изгнанъ изъ своего дома и никогда болѣе въ него не возвратится. Что дѣлать?—спрашивалъ онъ у Микель-Анджело.

Микель-Анджело далъ совѣтъ исполнить приказаніе. Спустя нѣсколько дней Кардіере опять приходитъ къ нему, внѣ себя отъ возбужденія. Онъ не осмѣлился заговорить съ Піеро на эту тему, но Лоренцо вторично явился ему, повторилъ свои слова и въ подтвержденіе ихъ, а также въ наказаніе за ослушаніе, ударилъ его по лицу.

На этотъ разъ Микель-Анджело такъ настойчиво потребовалъ отъ Кардіере удовлетворить желаніе духа, что тотъ рѣшился сейчасъ-же идти къ Піеро. Но послѣдняго въ городѣ не оказалось: онъ выѣхалъ въ Кареджи. Кардіере отправился туда. По дорогѣ онъ встрѣчаетъ Медичи съ его свитой. Несчастный поэтъ и музыкантъ кидается къ нему, умоляетъ остановиться и выслушать его. Затѣмъ онъ рассказываетъ о своемъ видѣніи. Піеро и все общество поднимаютъ бѣднаго Кардіере на смѣхъ. Канцлеръ Биббіена, своимъ управленіемъ сдѣлавшій имя свое ненавистнымъ для всей Италіи (позднѣе онъ сталъ кар-



МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

АЛЬБЕРТИНА. ВЪНА.

РИСУНОКЪ ПЕРОМЪ.

Ученическіе годы у Гирландайо.

диналомъ, Рафаэль написалъ его портретъ и долженъ былъ жениться на его племянницѣ Маріи), бросилъ ему презрительныя слова: «Глупецъ, неужели ты думаешь, что тебѣ Лоренцо оказалъ-бы больше чести, чѣмъ родному сыну, и сообщилъ-бы тебѣ, а не ему, столь важныя вещи, если-бы въ нихъ была хоть капля правды»? Затѣмъ кавалькада ускакала, оставивъ Кардіэре среди дороги. Онъ вернулся во дворецъ и сталъ жаловаться Микель-Анджело на свою судьбу, еще разъ передавая со всей живостью свое видѣніе.

Микель-Анджело былъ глубоко взволнованъ и видѣніемъ поэта, и ослѣпленіемъ Медичи. Гибель Медичи казалась ему неизбѣжной, и внезапный страхъ овладѣлъ имъ. Вѣра въ сверхъестественныя знаменія, свойственная всѣмъ флорентійцамъ, подъ вліяніемъ послѣднихъ событій достигла крайняго напряженія. Казалось, что всѣ несчастія, разразившіяся надъ Италіей, являются исполненіемъ того, что предсказалъ Савонарола. И это лишь начало! Надо было ожидать наступленія и еще болѣе ужас-

наго. Небо вѣщало о будущемъ не одними только устами пріора монастыря Санъ Марко. Знаменія опредѣленнаго характера умножались: изъ образовъ и статуй святыхъ сочилась кровь, въ Апуліи ночью на небѣ сразу стали видны три солнца, въ Аренцо каждый день въ воздухѣ появлялись воины въ доспѣхахъ на чудовищныхъ коняхъ, вступавшіе между собой въ бой и затѣмъ исчезающіе среди страшнаго шума. Народъ относился къ этимъ знаменіямъ съ тою-же вѣрою, съ какою глядѣлъ на нихъ и тысячу лѣтъ назадъ. Совершенно такъ-же, какъ Светоній рассказываетъ о молніяхъ, предвѣщавшихъ смерть Цезаря, флорентійскіе писатели повѣствуютъ о томъ, что передъ самой кончиной Лоренцо, при безоблачномъ небѣ, раздался оглушительный ударъ грома, разбившій верхнія строенія церкви Санта Марія дель Фиоре, что львы, содержавшіеся на счетъ города, бросились и въ ярости разорвали другъ друга на части, что надъ Кареджи появилась яркая звѣзда, свѣтъ которой все ослабѣвалъ, пока не потухъ совсѣмъ въ то самое мгновеніе, когда душа Лоренцо отлетѣла къ небу.

Вспомнимъ также случившуюся около этого времени смерть полубезумѣвшаго Полиціано, вспомнимъ Марсилія Фичино, ставшаго послѣдователемъ Савонаролы. Вся Италія жила тогда подъ гнетомъ невыразимаго страха, овладѣвшаго умами людей. Одинъ только Піеро Медичи съ немногими своими приближенными не терялъ прежняго легкомыслія. Вспомнивъ это, мы легко поймемъ, почему юный Микель-Анджело, чувствуя себя независимымъ, свободнымъ флорентійскимъ гражданиномъ, рѣшилъ отстраниться отъ семьи своихъ покровителей, которая, казалось, навлекла на себя гнѣвъ Божій. Онъ рѣшилъ искать спасенія въ бѣгствѣ, чтобы вмѣстѣ съ нею не быть вовлеченнымъ въ гибель и въ борьбу за дѣло, которое правымъ считать не могъ. Такое впечатлѣніе произвелъ на него рассказъ Кардіере. Два дня продолжались его колебанія. На третій-же день, въ сопровожденіи двухъ друзей, онъ покинулъ городъ и отправился въ Венецію.





МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО (?).

РАНЕНЬЙ АДОНИСЪ.

НАЦИОН. МУЗЕЙ. ФЛОРЕНЦІЯ.



СЛИ-БЫ бѣглецы поѣхали на хорошихъ лошадяхъ и кратчайшей дорогой, путешествіе заняло-бы не больше недѣли. Но Романья была наводнена французами, и поэтому потребовалось больше времени. Въ Венеціи имъ пришлось оставаться очень недолго. Деньги были у одного только Микель-Анджело, но его скудные средства быстро растаяли. Тогда три бѣглеца рѣшили вернуться во Флоренцію.

На обратномъ пути они заѣхали въ Болонью, гдѣ городскими дѣлами руководила семья Бентивольи. Семья эта выдвинулась лишь недавно и старалась не терять своего положенія. Враждебно къ нимъ настроенныхъ людей Бентивольи обезвредили изгнаньемъ или убійствомъ, гражданъ держали въ повиновеніи строгими законами и налогами. Между прочимъ они ввели одну необычайную мѣру: чужестранецъ, прибывшій въ Болонью, долженъ былъ заявить о себѣ стражѣ у городскихъ воротъ, которая, въ видѣ легитимациі, укрѣпляла печать изъ краснаго воска на его большомъ пальцѣ. Кто уклонялся отъ исполненія этого предписанія, подлежалъ крупному денежному штрафу.

Микель-Анджело со своими друзьями, ничего не подозревая, беззаботно, но безъ необходимой печати, появились на площади Болоньи: ихъ арестовали, отвели въ судъ и приговорили къ уплатѣ пятидесяти лиръ. Но такъ-какъ денегъ у нихъ не оказалось, ихъ заключили въ тюрьму.

Въ такомъ печальномъ положеніи они попались на глаза одному изъ видныхъ лицъ въ Болоньѣ, нѣкоему мессеру Джіанфранческо Альдовранди, члену городского Большого Совѣта и главѣ знатной семьи. Онъ принялъ участіе въ иностранцахъ, распорядился выпустить Микель-Анджело на свободу и, узнавъ, что тотъ скульпторъ, пригласилъ его къ себѣ въ домъ. Но Микель-Анджело уклонился отъ этой чести, заявивъ, что онъ не одинъ и не можетъ покинуть друзей, на него положившихся, а втроемъ они не рѣшились-бы обременить гостепріимнаго синьора. «О, воскликнулъ Альдовранди, въ такомъ случаѣ возьми меня съ собою странствовать по свѣту на твой счетъ». Эта шутка навела Микель-Анджело на практическую мысль: онъ отдалъ спутникамъ остатокъ своихъ денегъ, простился съ ними, а самъ послѣдовалъ за новымъ своимъ покровителемъ. Это было самое разумное изъ всего, что онъ могъ тогда сдѣлать: не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ Піеро Медичи съ братьями и нѣкоторыми приверженцами вынужденъ былъ искать прибѣжища въ той-же Болоньѣ, такъ-какъ пророчество Лоренцо исполнилось.

Во время путешествія Микель-Анджело въ Венецію французы вступили въ Тоскану. Зная симпатіи населенія, король всячески старался не предпринимать никакихъ враждебныхъ дѣйствій. Онъ просилъ свободного пропуска для своихъ войскъ. Но Піеро въ этомъ отказалъ ему. Это былъ уже открытый вызовъ. Часть французской арміи пошла изъ Генуи вдоль морского берега, а главные силы, съ королемъ во главѣ, двинулись отъ Павіи на югъ къ Аппенинамъ и перевалили черезъ горы въ томъ мѣстѣ, гдѣ генуэзская и флорентійская области граничатъ другъ съ другомъ на узкой полосѣ Средиземнаго моря.

Здѣсь находилось нѣсколько укрѣпленныхъ городковъ, присоединенныхъ къ Флоренціи еще во время Лоренцо. Засѣвъ въ нихъ для сопротивленія, войска Піеро могли-бы запереть французамъ входъ въ Тоскану. Страна въ этомъ мѣстѣ болотиста, сыра и нездорова. Провіантъ нужно привозить издалека морскимъ путемъ. Войско Карла состояло большею частью изъ наемныхъ солдатъ, склонныхъ къ мятежу, уже не разъ отказывавшихъ въ повиновеніи. Всякая задержка въ этой мѣстности была-бы для французовъ гибельнѣе, чѣмъ проигранное сраженіе.

Положеніе Піеро въ виду этого вовсе не было безнадежнымъ. Отстоять отъ французовъ крѣпости онъ поручилъ Орсини съ ихъ людьми. Отъ Обиньи, двигавшагося изъ Романьи, защитой ему служили горные проходы. Въ такихъ обстоятельствахъ ему не слѣдовало лишь терять мужества.

Но во Флоренціи положеніе его сильно пошатнулось. Съ каждымъ днемъ тамъ росло убѣжденіе, что король воюетъ противъ Медичи, а не противъ гражданъ. При этомъ какъ только выяснилось, что Піеро становится во враждебное отношеніе къ королю, Карлъ разрѣшилъ флорентійцамъ свободно отъ всякихъ налоговъ продолжать свои торговыя дѣла въ Ліонѣ. Только семьѣ Медичи онъ приказалъ закрыть банкъ. Мы уже упоминали, что знатныя семьи сами высказывались за войну. Во Флоренціи Карла ожидали, какъ избавителя. Еще въ 1493 году Савонарола, по предложенію правительства, изложилъ свои взгляды на необходимыя политическія преобразованія и съ язвительнымъ остроуміемъ обрушился при этомъ на распутство Піеро. Имени онъ не называлъ при этомъ никакого и говорилъ лишь вообще о томъ, какъ будетъ и какъ могъ-бы править нѣкій князь, ставшій тираномъ свободнаго города. Блестящій трактатъ этотъ, отразившій и холодный государственный умъ Савонаролы, и его партійную страстность, съ такою-же яркостью рисуетъ современное ему политическое положеніе, съ какой двадцать лѣтъ спустя вышедшая книга Макиавелли о «Князѣ» даетъ картину совершенно измѣнившихся условій политической жизни Италиі.

Вліяніе Савонаролы росло тогда замѣтно. Политика и служеніе церкви были для него единымъ дѣломъ. Толпа шла за Савонаролою уже безъ всякихъ усилій съ его стороны. Ненависть къ Медичи проявлялась съ большею и большею откровенностью. Чтобы спасти свое положеніе, Піеро необходимо было предпринять что-нибудь рѣшительное.

Съ авангардомъ французской арміи герцогъ Монпансье перевалилъ Аппенины и соединился съ войсками, шедшими изъ Генуи. Онъ приступилъ къ бомбардировкѣ Фивиццано, первой изъ упомянутыхъ маленькихъ флорентійскихъ крѣпостей, пробилъ брешь въ ея стѣнахъ, ворвался въ городъ и перебилъ весь гарнизонъ и всѣхъ жителей.

Но дѣло Медичи все-же не было еще проиграно: подъ защитой остальныхъ крѣпостей Тоскана была въ безопасности. Но вѣсть о звѣрствахъ французовъ повергла Флоренцію въ смятеніе. Впервые Піеро понялъ шаткость своего положенія. Онъ почувствовалъ вокругъ себя пустоту и измѣну. Денегъ у него не было. Онъ пытался заключить заемъ, но даже лучшіе друзья дѣлали затрудненія, оказывались безжалостными. Разсчитывать на помощь изъ Неаполя было бесполезно, надѣяться на Александра Борджіа не было никакой возможности. Въ Пизѣ миланскіе агенты вызвали народное возстаніе, такъ-какъ Сфорца хотѣлъ овладѣть всѣмъ тосканскимъ побережьемъ: Луккой, Ливорно и Пизой. Это онъ именно и убѣдилъ короля идти на Тоскану. Пизанское правительство оказалось захваченнымъ врасплохъ, и Піеро распорядился



МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

С. ДОМЕНИКО. БОЛОНЬЯ.

СВ. ПЕТРОНИЙ.



МИКЕЛЬ-АНЖЕЛО.

С. ДОМЕНИКО. БОЛОНЬЯ.

СВ. ПРОКЛЪ.

возможно скорѣе снабдить цитадель военными снарядами. Но что предпринять въ самой Флоренціи, гдѣ не было иного гарнизона, кромѣ вооруженныхъ горожанъ, и гдѣ мятежъ уже кипѣлъ широко? При такихъ обстоятельствахъ Піеро задумалъ шагъ, который, въ случаѣ удачи, былъ-бы признанъ исторіей поступкомъ смѣлаго человѣка, рѣшившагося въ критическую минуту на крайнее средство, но который, въ виду неуспѣха, получилъ иную оцѣнку: онъ безъ борьбы отдался въ руки французскому королю.

Если-бы Піеро бѣжалъ въ Неаполь или Венецію, — единственные города, гдѣ онъ могъ тогда искать пріюта, — флорентійцы немедленно заключили-бы миръ съ Карломъ VIII, вручили-бы ему традиціонный титулъ «защитника флорентійской свободы» и вступили-бы съ нимъ въ союзъ, навсегда лишивъ Медичи возможности вернуть себѣ господство надъ Флоренціей. Гораздо цѣлесообразнѣе было, такимъ образомъ, повергнуть къ ногамъ короля то, что еще не было потеряно, и добыть отъ него въ видѣ награды то, чего уже не въ состояніи былъ дать Неаполь.

Становясь во главѣ посольства, которое отъ имени флорентійскаго правительства должно было вступить въ переговоры съ королемъ, Піеро рассчитывалъ вернуться во Флоренцію уже признаннымъ герцогомъ. По дорогѣ посольство узнало, что Паоло Орсини сдѣлалъ неудачную попытку пробиться съ тремястами всадниковъ въ осажденную французами Сардану. Получивъ извѣстіе объ этой неудачѣ въ Піетрасантѣ, Піеро отправилъ своихъ спутниковъ назадъ, а самъ въ сопровожденіи французскаго отряда продолжалъ путь по направленію къ главной квартирѣ Карла, находившейся въ Понтремоли.

Появленіе великаго ломбардца, какъ по примѣру его отца звали Піеро во Франціи, гдѣ всякій итальянецъ считался ломбардцемъ, вызвало удивленіе въ лагерѣ. Еще сильнѣе поразили французовъ самоубийственные предложенія, сдѣланныя имъ королю. Онъ добровольно отказывался отъ Сарданы, пріобрѣтенной Лоренцо и съ такими неимоверными затратами превращенной въ сильную крѣпость, которую тщетно осаждалъ Монпансье. Добровольно отдавалъ онъ другія крѣпости вмѣстѣ съ Ливорно и Пизой. Флоренція должна была заключить союзъ съ Карломъ, перейти подъ его защиту и дать ему въ заемъ 200.000 дукатовъ на продолженіе войны.

Піеро былъ милостиво выслушанъ королемъ, согласившимся на его предложеніе. Повидимому, онъ добился также и того, что стремился получить для себя лично, такъ-какъ хотѣлъ вернуться во Флоренцію вмѣстѣ со своимъ войскомъ, которое теперь уже не нужно было ему для борьбы съ французами. Но его опередило возвратившееся по-

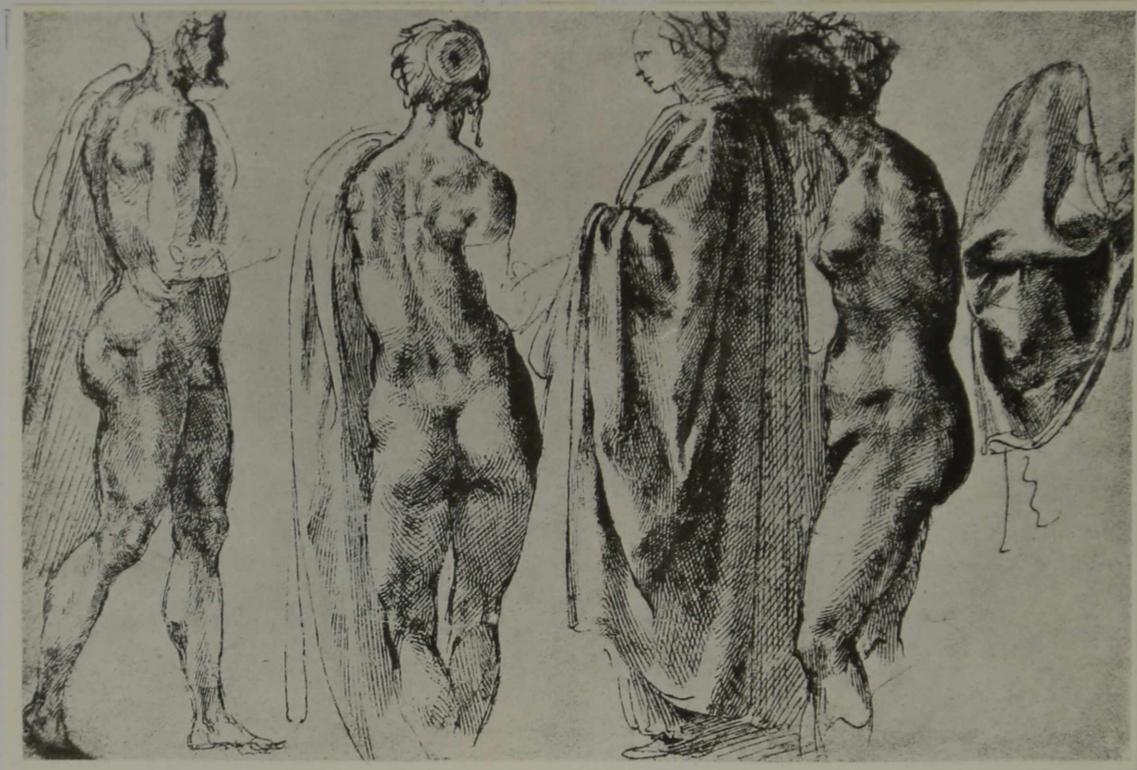
МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.  
МУЗЕЙ ТЕЙЛЕРЪ.  
ГАРЛЕМЪ.



РИСУНОКЪ ПЕРВАГО  
ФЛОРЕНТІЙСКАГО  
ПЕРІОДА.

сольство, во главѣ котораго онъ выѣхалъ изъ Флоренціи, сообщившее о происшедшемъ. Самовластное поведеніе Піеро, еще неизвѣстное флорентійцамъ во всѣхъ подробностяхъ, вызвало въ городѣ всеобщее негодованіе, охватившее даже самыхъ преданныхъ сторонниковъ Медичи. Однако, открытаго мятежа еще не было. Тотчасъ-же было назначено второе посольство изъ пяти человѣкъ, въ составъ котораго были избраны Савонарола и отсутствующій Піеро. Посольство встрѣтило короля въ Луккѣ. Переговорами руководилъ Савонарола. Онъ говорилъ о свободѣ, о невинности флорентійцевъ передъ королемъ и потребовалъ опредѣленныхъ гарантій. Карлъ далъ посольству уклончивый отвѣтъ. Слава Саво-

наролы давно дошла до Франціи, и король боялся, быть можетъ, даже чтилъ флорентійскаго пророка, но онъ уже слишкомъ опредѣленно связалъ себя съ Піеро. Послѣдній, находясь въ это время во французскомъ лагерѣ, мгновенно понялъ все, что произошло во Флоренціи въ его отсутствіе, лишь только узналъ о приходѣ пословъ. Подъ предлогомъ устройства торжественной встрѣчи королю въ Пизѣ, онъ тотчасъ-же отправился во Флоренцію. Паоло Орсини собралъ оставшихся у него солдатъ и послѣдовалъ за Піеро.



МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

РИСУНОКЪ ПЕРОМЪ.

МУЗЕЙ КОНДЕ. ШАНТИЛЬИ.

Первый флорентійскій періодъ.

Вечеромъ восьмого ноября Піеро прибылъ во Флоренцію, а девятого утра онъ появился на площади передъ дворцомъ Синьоріи. Онъ рѣшилъ занять дворецъ, ударить въ большой колоколъ, созвать народное собраніе и совершить государственный переворотъ. Но на встрѣчу ему вышелъ одинъ изъ виднѣйшихъ гражданъ, Лука Корсини, и загородилъ входъ. Зачѣмъ онъ явился сюда? Піеро вмѣстѣ со своей свитой очутился на площади, окруженный народомъ, который держалъ себя выжидательно. Только нѣсколько голосовъ крикнуло ему, чтобы онъ съ Богомъ уходилъ отсюда, куда хочетъ. Вдругъ поднялся шумъ, понеслись возгласы: *libertà, libertà, popolo, popolo!* Первыми закричали дѣти

и стали кидать камни въ Піеро и его спутниковъ. Оружія не было ни у кого, но возбужденіе народа и крикъ толпы такъ подѣйствовали на Піеро, что онъ отступилъ. Вскорѣ появился начальникъ городской полиціи со своими людьми и попытался очистить площадь отъ толпы. Это послужило сигналомъ къ мятежу. Гнѣвъ народа обратился на полицію, толпа бросилась ко дворцу городской стражи и выпустила на свободу заключенныхъ.

Піеро успѣлъ добраться до палаццо Медичи и отправить гонца къ Паоло Орсини, разбившему лагерь вблизи города. Но и враги Медичи почувствовали, что имъ надо быть наготовѣ. Ударили въ набатъ, и со всѣхъ концовъ города на площадь стали собираться вооруженные граждане. Тогда Медичи составили слѣдующій планъ.

Рѣшено было, что кардиналъ Джіованни Медичи, ставшій впоследствии папой Львомъ X и любимый народомъ больше своихъ братьевъ за отсутствіе высокомерія, свойственнаго Піеро, появится первымъ и обратится къ толпѣ съ рѣчью. За нимъ должны были вступить въ городъ Піеро, Джуліано и Орсини съ войскомъ. Но Джіованни народъ на площадь не пустилъ. На послѣднихъ-же, когда они появились съ солдатами на улицахъ, посыпались изъ оконъ камни, и они не рѣшились двигаться дальше. Толпа напала на нихъ. Джіованни успѣлъ скрыться въ монастырь св. Марка, переодѣться простымъ монахомъ и спастись бѣгствомъ изъ города. Піеро съ свитой послѣдовалъ его примѣру. Въ предмѣстьяхъ они дѣлаютъ еще одну попытку расположить къ себѣ чернь деньгами и подстрекнуть къ возстанію. Но и здѣсь ихъ закидываютъ камнями. Имъ приходится спѣшить и спастись бѣгствомъ въ Болонью.



МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

Набросокъ капители.



*МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.*

*КАБИНЕТЪ ГРАВЮРЪ. МЮНХЕНЪ*

**АПОСТОЛЪ ПЕТРЪ.**

(Рисунокъ по Мазачіо, Carmine, Capella Brancacci, Флоренція).

БОЛОНЬЯ.  
ПАДАЮЩІЯ  
БАШНИ.



ГРАВЮРА  
НАЧ. XIX  
ВѢКА.



АКЪ встрѣтился Микель Анджело со своимъ прежнимъ покровителемъ. Бентивольо согласился принять Пiere въ Болоньѣ, но осыпалъ его упреками. Онъ укорялъ Пiere за то, что тотъ не только погубилъ себя своимъ поспѣшнымъ бѣгствомъ, не оказавъ мятежникамъ сопротивленія, но и подорвалъ въ другихъ городахъ Италіи авторитетъ лицъ, находившихся въ такомъ-же точно положеніи. Бентивольо имѣлъ при этомъ въ виду самого себя и свой родъ. Немного позднѣе Медичи могли-бы вернуть ему слово въ слово его обвиненія, такъ-какъ и Бентивольо пришлось испытать ту-же судьбу. Братья Медичи, не чувствуя себя въ Болоньѣ въ достаточной безопасности, вскорѣ отправились дальше

въ Венецію. Но Микель-Анджело остался въ домѣ Альдовранди, такъ-какъ возвращаться во Флоренцію не имѣло уже и смысла. Мессеръ Джіанфранческо относился къ нему съ уваженіемъ и окружилъ его почетомъ. Ему нравился весь обликъ Микель-Анджело, его разностороннія дарованія. Каждый вечеръ онъ просилъ художника посидѣть у изголовья его постели и почитать ему передъ сномъ отрывокъ изъ Данте или Петрарки, или-же какую-нибудь новеллу Боккаччіо.

Нашлась для Микель-Анджело и художественная работа. Болонья славится среди итальянскихъ городовъ хранящимися въ ней мощами св. Доминика. Мощи эти находятся въ церкви Санъ Доменико, въ мраморной гробницѣ, работы Николая Пизанскаго, который почитается родоначальникомъ новой итальянской скульптуры. Николай Пизанскій первый началъ подражать античнымъ образцамъ и возвысился до свободнаго созерцанія природы еще тогда, когда живопись находилась въ плѣну у застывшихъ формъ византійскаго искусства.

Эта гробница изъ обыкновеннаго четырехугольнаго камня путемъ разныхъ надстроекъ превратилась въ высокій мраморный монументъ. Начиная съ тринадцатаго вѣка, когда была положена первая плита этого памятника, она непрерывно обростала новыми мраморными украшеніями. Незадолго до прибытія Микель-Анджело въ Болонью творецъ гробницы, неразрывно связавшій съ нею свое имя, умеръ. Его такъ и называли: «Николо дель Арка». Стали искать ему преемника, который закончилъ-бы начатое произведеніе. Мессеръ Альдовранди привелъ однажды Микель-Анджело въ церковь Санъ Доменико и спросилъ его, возьмется-ли онъ за это дѣло. Надо было изготовить еще двѣ фигуры, изъ которыхъ одна, изображавшая св. Петронія въ епископскомъ облаченіи, была наполовину закончена, а другая, которая должна была представлять pendant къ уже имѣющейся подобной статуѣ—колѣнопреклоненнаго ангела съ канделябромъ въ рукѣ, еще не была даже и начата. Микель-Анджело согласился взять на себя заказъ и получилъ за него тридцать дукатовъ.

Долгое время ангелъ, сдѣланный Николаемъ Пизанскимъ, приписывался рѣзцу Микель-Анджело, а работа послѣдняго еще и теперь выдается въ Болоньѣ за произведеніе Николая. Первый ангелъ представляетъ восхитительную фигуру, исполненную въ рѣзко выраженномъ стилѣ пятнадцатаго вѣка и проникнутую во всѣхъ деталяхъ мягкимъ натурализмомъ. Другой ангелъ, изваянный рукой Микель-Анджело, гораздо менѣе привлекателенъ для поверхностнаго взгляда и ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что создатель его былъ только начинающимъ скульпторомъ. Однако, это произведеніе вызвало въ Болоньѣ такой взрывъ удивленія, смѣшаннаго съ недоброжелательствомъ, что Микель-Анджело рѣшилъ даже покинуть пріютившій его городъ.



НИКОЛАЙ ПИЗАНСКИЙ И ДРУГИЕ ХУДОЖНИКИ.

SAN DOMENICO. БОЛОНЬЯ.

МРАМОРНАЯ ГРОБНИЦА СВ. ДОМИНИКА.

Зависть мѣстныхъ ремесленниковъ по отношенію къ новымъ пришельцамъ—явленіе довольно обычное. Въ области искусства это чувство легко вырастаетъ въ ненависть. Вазари приводитъ много такихъ случаевъ. Но художники Болоньи были особенно извѣстны своимъ враждебнымъ отношеніемъ къ новымъ конкурентамъ и дѣлили дурную славу съ мастерами Перуджии. Почетное предложеніе, сдѣланное Микель-Анджело,



АНГЕЛЪ СЪ МРАМОРНОЙ ГРОБНИЦЫ СВ. ДОМИНИКА.

*Болонья.*

двадцатилѣтнему флорентійскому пришельцу, вызвало въ ихъ средѣ такое возбужденіе, что дѣло дошло даже до угрозъ. Одинъ мѣстный скульпторъ заявилъ, что эта работа была предназначена для него, давно уже ему обѣщана, что Микель-Анджело отнялъ ее у него, и пригрозилъ художнику расправиться съ нимъ физическою силою. Микель-Анджело пришлось-бы, конечно, имѣть дѣло и не съ однимъ этимъ завистникомъ, и потому онъ рѣшилъ вернуться въ родной городъ.



АНГЕЛЬ СЪ МРАМОРНОЙ ГРОБНИЦЫ СВ. ДОМИНИКА.

*Болонья.*

Художника укрѣпило въ этомъ рѣшеніи еще и то обстоятельство, что за время его отсутствія жизнь Флоренціи вновь приняла мирное теченіе. Но какія измѣненія засталъ онъ на родинѣ! Когда онъ покидалъ городъ, Медичи были еще полновластными владыками. Теперь отъ былого ихъ величія не осталось и тѣни. Дворецъ ихъ стоялъ пустымъ, его художественныя сокровища были разграблены. Городомъ правила партія, для которой измѣной звучало уже одно имя Медичи, произнесенное безъ враждеб-



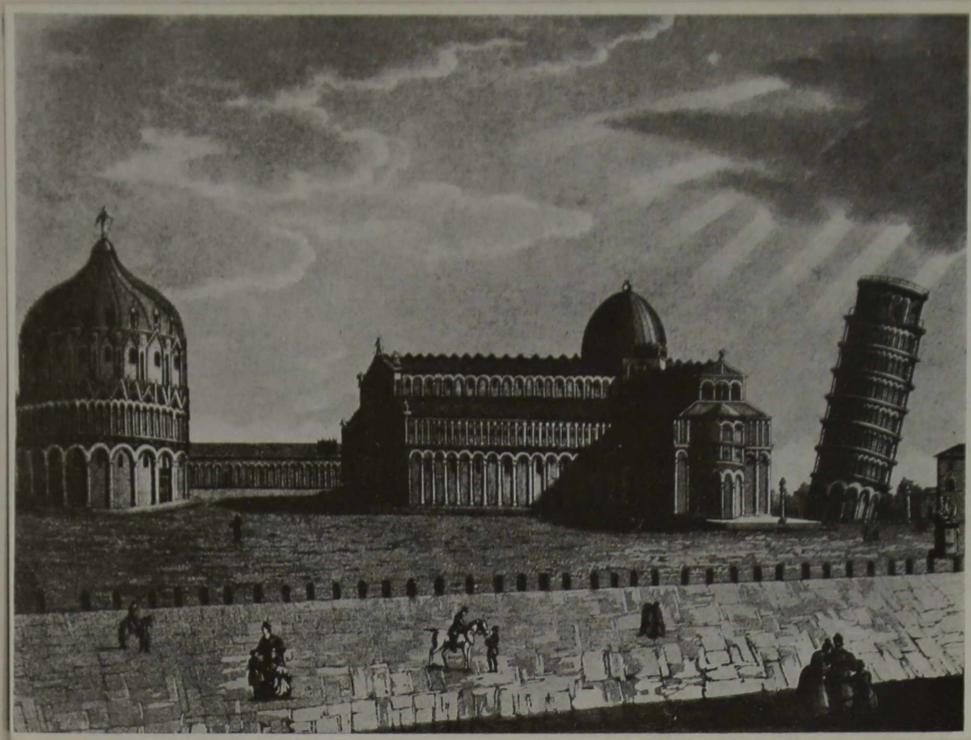
МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

МУЧЕНИЧЕСТВО СВ. АНДРЕЯ. НАЦИОН. МУЗЕЙ, ФЛОРЕНЦИЯ.

наго чувства. Садъ св. Марка былъ разоренъ, находившіяся въ немъ статуи и картины распроданы и разбѣяны по всему свѣту. Большая часть художниковъ покинула Флоренцію, другіе-же, сдѣлавшись сторонниками Савонаролы, предавали проклятію то, что сами раньше творили съ беззаботнымъ, яснымъ духомъ. Лоренцо ди Креди, ученикъ Верроккю и другъ Леонардо, Баччіо делла Порта, болѣе извѣстный подъ именемъ Фра Бартоломео, архитекторъ Кронака, Боттичелли, ученикъ Фра Филиппо Липпи, всѣ вопрошали совѣсть, не служили-ли они своими прекрасными произведеніями утѣхамъ діавола. Параллельно съ этимъ неусыпное око государственной власти слѣдило тогда во Флоренціи за поступками гражданъ, даже за тѣмъ, что происходило въ интимной глубинѣ семейной жизни.

Всѣ эти перемѣны были результатомъ событій, которыя произошли въ теченіе года, проведеннаго Микель-Анджело въ Болоньѣ.

Въ тотъ самый день, когда во Флоренціи вспыхнуло возстаніе и Піеро бѣжалъ оттуда, возникъ мятежъ и въ Пизѣ. Здѣсь, однако, народъ возсталъ не противъ Медичи, а противъ ига флорентійцевъ, душившаго несчастный городъ. Вся политика Флоренціи клонилась къ тому, чтобы медленно довести Пизу до окончательной гибели. Пизанцы обратились къ французскому королю, прося защиты. Карлъ обѣщалъ свою помощь. Онъ никогда не считался съ общимъ положеніемъ дѣлъ, съ обязательствами, которыя принималъ на себя среди минутныхъ увлеченій. Онъ былъ молодъ, добросердеченъ и опьяненъ удачами, сопровождавшими каждый его шагъ. Гвиччардини говоритъ, что Карлъ былъ некрасивъ, малъ ростомъ, съ шестью пальцами на каждой ногѣ,—настоящій уродъ. «Но властный взоръ обнаруживалъ въ немъ короля», замѣчаетъ этотъ историкъ. Легко поддаваясь чужому вліянію, онъ постоянно окруженъ былъ сильными, коварными людьми. Люди эти проникнуты были взаимною ненавистью и старались уничтожить другъ друга, но всѣ



ГРАВЮРА XIX В.

ПИЗА. АКАДЕМІЯ ХУДОЖЕСТВЪ. СПБ.

пользовались благоволеніемъ короля. Карлъ постоянно противорѣчилъ себѣ въ своихъ рѣшеніяхъ и торжественныхъ обѣщаніяхъ, и все-же, пока счастье не измѣняло ему, умѣлъ достигать невозможнаго: удовлетворять всѣхъ. Онъ обѣщаль пизанцамъ охранять свободу ихъ города, но тутъ-же потребовалъ, чтобы флорентійскіе чиновники остались въ Пизѣ и чтобы имъ по-прежнему оказывали послушаніе. Послѣднее требованіе было выполненіемъ обѣщанія, даннаго Пьеро деи Медичи.

Въ Пизѣ французское войско раздѣлилось. Кардиналъ Санъ Пьеро in Vincoli съ флотомъ отплылъ въ Остію, чтобы захватить морскую крѣпость и, овладѣвъ ею, отнять у Борджіа папскую область. Изъ сухопутныхъ-же войскъ большая часть двинулась на югъ къ Сіенѣ, остальные отправились вмѣстѣ съ королемъ во Флоренцію. Туда-же прибылъ изъ Романьи перевалившій черезъ горы Обиньи.

Еще во время пребыванія Карла въ Пизѣ Медичи были объявлены во Флоренціи мятежниками и врагами отечества. Народъ напалъ на ихъ дворцы и дома ихъ приверженцевъ и разграбилъ ихъ. Лишь съ большимъ трудомъ удалось отстоять отъ толпы палаццо Медичи, гдѣ еще продолжали жить вдова Лоренцо и жена Пьеро. Прибывъ во Флоренцію, Карлъ остановился въ этомъ дворцѣ (гдѣ, замѣтимъ кстати, онъ и его свита присвоили себѣ сокровища, оставшіяся отъ перваго грабежа) и взялъ обѣихъ женщинъ подъ свое покровитель-

ство. Для соблюденія этикета онъ объявилъ старыя требованія, которыя Франція предъявляла къ семьѣ Медичи. Но это не мѣшало ему благо-склонно относиться и къ слезнымъ просьбамъ двухъ женщинъ въ пользу Піеро и жалобамъ на своеволие флорентійцевъ. Передъ своимъ торжественнымъ въѣздомъ въ городъ Карлъ объявилъ, что даетъ свою санкцію всему, что произошло во Флоренціи, при чемъ велѣлъ властямъ встрѣтить себя и отвести въ Соборъ. На улицахъ народъ привѣтствовалъ его сочувственными кликами: «Francia! Francia!» Но лишь только онъ остался во дворцѣ Медичи наединѣ съ Клариссой и Альфонсиной, какъ тотчасъ-же поддался ихъ увѣщаніямъ и отправилъ въ Болонью гонцовъ съ извѣстіемъ, что Піеро можетъ спокойно явиться во Флоренцію, гдѣ король вернетъ ему прежнюю его власть. Но Медичи уже давно выѣхали изъ Болоньи въ Венецію. Тогда Карлъ потребовалъ отъ флорентійскаго правительства официальнаго призванія Медичи и принятія французскаго гарнизона. Положеніе стало критическимъ. Городъ былъ наводненъ рыцарями и наемными войсками французскаго короля, державшими себя вызывающе. Народъ заволновался и, наконецъ, силой освободилъ итальянскихъ плѣнниковъ, которыхъ солдаты гнали по улицамъ, какъ скотъ. Во дворцѣ-же шли въ это время безконечные переговоры между королемъ и городскими властями. Карлъ уступилъ въ вопросѣ о возвращеніи Медичи, но настаивалъ на увеличеніи военной контрибуціи. «Если вы не согласитесь, заявилъ онъ, я прикажу сейчасъ-же трубить въ военные трубы!». «А мы ударимъ въ нашъ колоколъ», не менѣе грозно воскликнулъ Піеро Каппони и, разорвавъ приготовленный къ подписанію договоръ, направился вмѣстѣ съ преданными ему согражданами къ выходу.

Карлъ далъ депутаціи дойти до большой лѣстницы дворца, но потомъ вернулъ Каппони, давнишняго своего знакомаго по Ліону, и обратилъ инцидентъ въ шутку. Онъ притворился, будто ради старой дружбы прощаетъ Каппони его дерзкія слова, получившія потомъ такую популярность, что еще и въ наши дни не найдется ни одного флорентійца, который не могъ-бы рассказать подробностей этого столкновенія короля съ представителями города. Карлъ и городскіе уполномоченные пошли на взаимныя уступки, приведшіе къ соглашенію и подписанію клятвеннаго договора. Король принялъ титулъ «возстановителя и защитника флорентійской свободы», а городъ принялъ его знамя. Французскія войска должны были удалиться съ правомъ удержать въ своихъ рукахъ лишь города, переданные имъ Піеро Медичи до покоренія Неаполя. Флоренція заплатила 120.000 золотыхъ гульденовъ контрибуціи и заключила новый торговый договоръ съ Франціей. Семьѣ Медичи предоставлялось право, не пріѣзжая во Флоренцію, черезъ посредниковъ привести въ порядокъ свои имущественныя дѣла.



МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

КОРОЛ. МУЗЕЙ БЕРЛИНЪ.

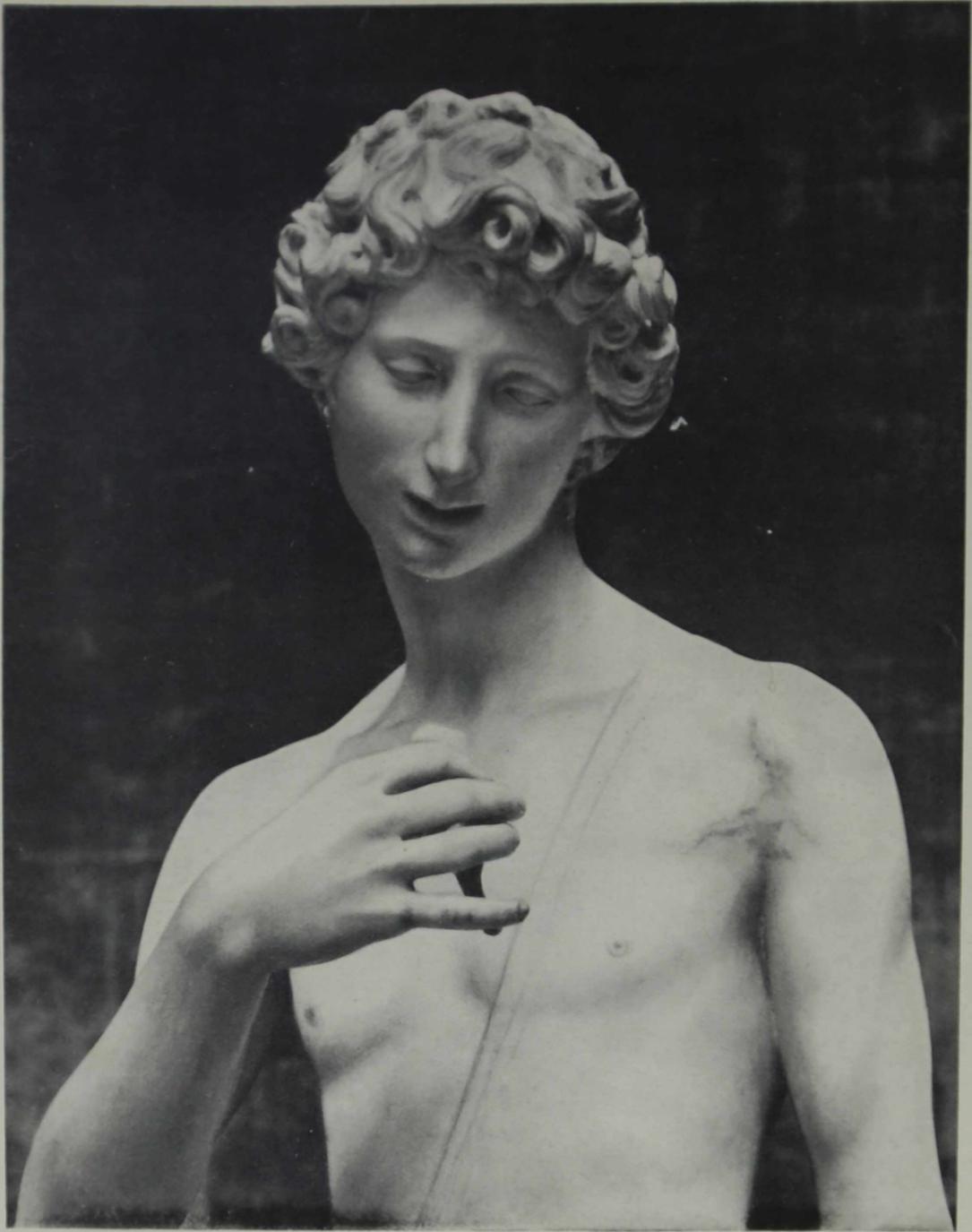
СВ. ЮАННЪ КРЕСТИТЕЛЬ.

28 ноября 1494 Карлъ съ войскомъ вышелъ изъ Флоренціи, направляясь въ Сіену. Онъ оставилъ послѣ себя въ городѣ хаосъ одушевленія, честолюбія, своекорыстія, фанатизма и добрыхъ намѣреній, изъ котораго долженъ былъ самъ собою возникнуть новый общественный порядокъ.

Но порядокъ этотъ устанавливался не легко. Медичи были изгнаны, но прежнее правительство, состоявшее изъ ихъ сторонниковъ, сохранило власть за собою. Во время мятежа оно шло во главѣ возставшихъ и сумѣло пріобрѣсти довѣріе народа своимъ безкорыстіемъ. Послѣ отъѣзда Карла былъ созванъ парламентъ и произведены новые выборы должностныхъ лицъ съ диктаторскими полномочіями. Были переизбраны члены прежняго правительства и, такимъ образомъ, имъ было выражено полное довѣріе. Послѣ этой удачи они и, вообще, друзья Медичи поняли, что дѣйствовали поспѣшно: сейчасъ они ощутили себя во главѣ власти. Видные граждане, слывшіе за враговъ Медичи, оказались обойденными при дѣлежѣ должностей. Многія могущественныя семьи почувствовали себя обиженными. Народъ сталъ волноваться. Савонарола тоже что-то подготавливалъ. Но тогда какъ другіе заботились лишь о своихъ выгодахъ, онъ думалъ о дѣлѣ, которому посвятилъ себя.

Постомъ 1495 года онъ опять началъ свои проповѣди. Онъ настаивалъ на коренномъ измѣненіи всего уклада общественной жизни Флоренціи. Безпощадно раскрывая его язвы, онъ хотѣлъ духовно и политически переродить весь городъ. Онъ лелѣялъ мечту о великомъ, о преобразованіи Италіи, и началъ съ небольшого: съ преображенія души каждаго своего слушателя въ отдѣльности. Онъ проповѣдывалъ милосердіе и всепрощеніе, но грозилъ карой тѣмъ, кто не подчинится его увѣщаніямъ. Его политическій планъ заключался въ томъ, чтобы во главѣ республики стало властное собраніе правомочныхъ гражданъ. Во Флоренціи насчитывалось около 2.000 человѣкъ, обладавшихъ правомъ голоса. Они-то и должны были, по его мысли, составить Большой Совѣтъ, Consiglio Grande, который собирался-бы во дворцѣ Синьоріи и державно управлялъ-бы Флоренціей, опираясь на большинство.

Еще до истеченія первой половины года члены партіи Медичи были лишены должностей и участія въ дѣятельности правительства. Большой Совѣтъ началъ функціонировать. Все это было дѣломъ Савонаролы. Онъ привлекъ на свою сторону большинство Совѣта, которое заставлялъ божьимъ именемъ непрекословно исполнять свои приказанія. Франческо Валори и Паолантонио Содерини, приверженцы Савонаролы и ожесточенные противники Медичи, обойденные при первомъ распредѣленіи должностей, стали вождями главенствующей партіи и вмѣстѣ съ нимъ, съ Савонаролой, сдѣлались могущественными людьми во Флоренціи. Передъ ними стояли двѣ цѣли: цѣлью внутренней политики было прове-



*МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО (?)*

*ЮАННЪ КРЕСТИТЕЛЬ.*

*КОРОЛЕВ. МУЗЕЙ. БЕРЛИНЪ.*

деніе начатой реформы до конца, цѣлью внѣшней — возстановленіе прежней власти надъ Пизой и другими городами, находившимися въ рукахъ французовъ, такъ-какъ, хотя во Флоренціи и не стояло иноземнаго гарнизона, но пока Пиза и Ливорно принадлежали Франціи, городъ находился въ зависимости отъ нея.

Походъ Карла противъ Неаполя обратился въ триумфальное шествіе. Почти всѣ войны французовъ съ Италіею начинались среди ослѣпительнаго блеска побѣдъ и кончались поражениемъ. Макиавелли говоритъ о современныхъ ему французяхъ то-же, что когда-то Цезарь сказалъ о галлахъ: при первомъ натискѣ они были храбрѣе мужчинъ, при отступленіи—ничтожнѣе женщинъ.

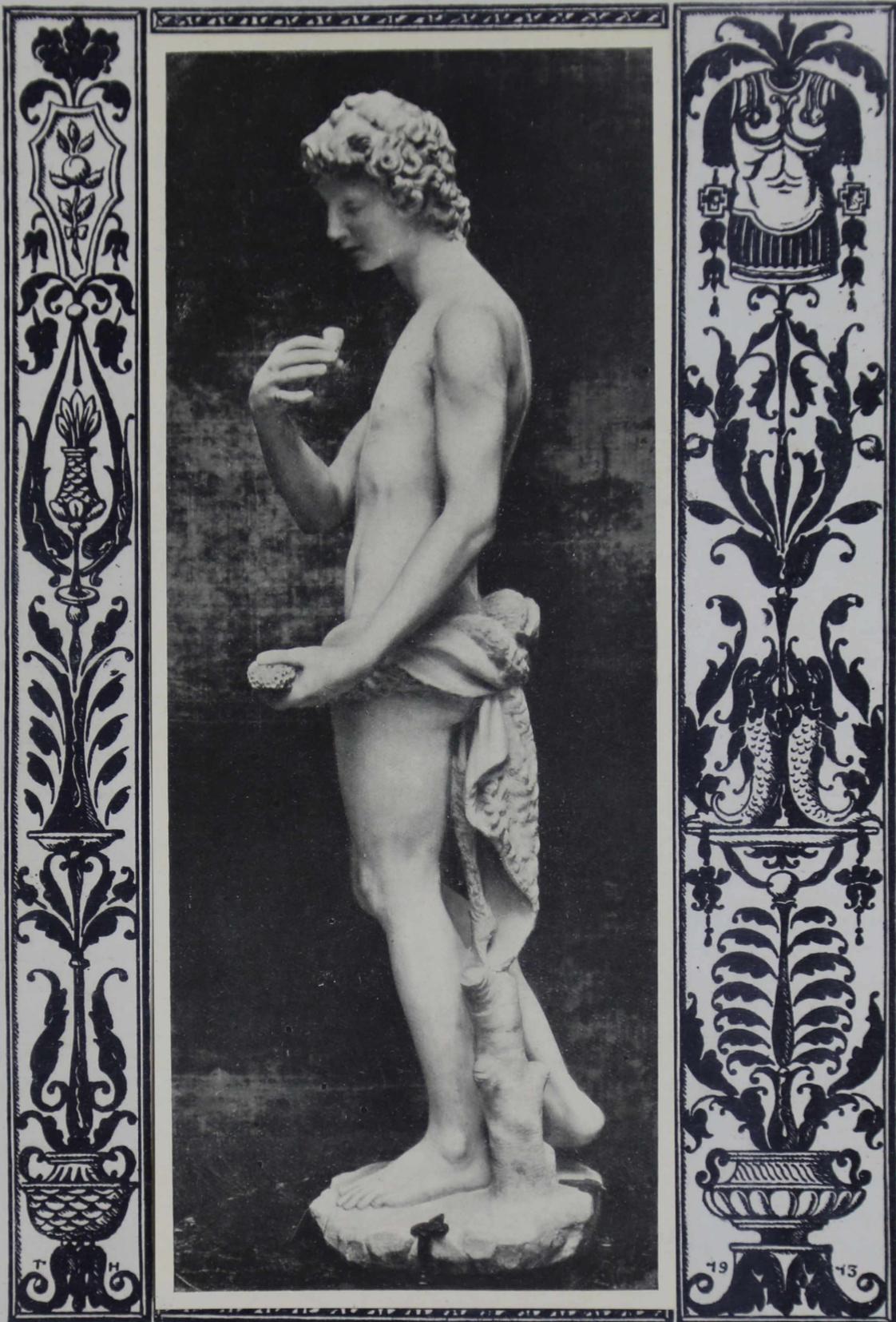
Въ Римѣ король завязалъ съ папой тѣсныя дружескія отношенія. Оттуда онъ двинулся на Неаполь. Въ концѣ февраля Карлъ вступилъ въ этотъ городъ, народъ возсталъ противъ своего правительства и прогналъ арагонцевъ. «Неаполитанцы испытываютъ потребность мѣнять своихъ королей», говоритъ Гвиччардини. Карлъ былъ принятъ народомъ съ изъявленіями живѣйшей радости.

До этихъ поръ французскому королю не пришлось дать ни одного сраженія на итальянской землѣ. Передъ нимъ открывались ворота всѣхъ городовъ. Но теперь счастье стало измѣнять Карлу. Впереди все склонялось передъ нимъ,—въ тылу все возставало. Первымъ отпалъ отъ него Людовико Сфорца изъ-за того, что французы оставили Ливорно и Пизу въ своихъ рукахъ. Венеція, Король Римскій, Испанія и папа присоединились къ Милану. Такъ недавно еще вся Италія покорно, безъ сопротивленія, поверглась къ стопамъ французскаго короля, а теперь ему предстояло силой прокладывать себѣ обратный путь черезъ враждебную страну. Карлъ принялъ вызовъ на борьбу. Часть своего войска онъ оставилъ въ Неаполѣ, гдѣ, благодаря помощи флота, она не теряла связи съ Франціею, другую часть онъ обратилъ противъ Рима, гдѣ незадолго передъ тѣмъ обмѣнялся съ папой поцѣлуемъ и дружескими объятіями. Такимъ образомъ, во всей Италіи у короля имѣлся только одинъ союзникъ: это были руководимые Савонаролой флорентійскіе граждане. Старанія правительства прочихъ городовъ не смогли склонить ихъ къ вступленію въ общій союзъ.

Но мужество и гордыня Карла нисколько не уменьшились, несмотря на то, что счастье ему измѣнило. Въ Сиенѣ его дождалось посольство отъ Флоренціи. Оно предложило ему денегъ и солдатъ. Карлъ отвѣтилъ, что и того войска, которое есть у него, достаточно, чтобы сокрушить враговъ. Тутъ опять явился къ нему Савонарола. Съ Евангелиемъ въ рукахъ заклиналъ онъ его убояться божьяго гнѣва и отдать флорентійцамъ Пизу. Король отвѣтилъ отказомъ, такъ-какъ въ это время онъ вновь вступилъ въ сношенія съ Медичи, а дать удовлетвореніе обѣимъ партіямъ сразу онъ не могъ. Піеро находился тогда въ его свитѣ и надѣялся съ помощью Карла вернуться во Флоренцію, гдѣ сторонники Медичи опять организовались въ сплоченную партію, борющуюся противъ Савонаролы и подготовлявшую возвращеніе прежняго властелина.



МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО (?)    ЮАННЪ КРЕСТИТЕЛЬ  
БЕРЛИНЪ    КОРОЛЕВСКИЙ МУЗЕЙ



МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО (?)    ЮАННЪ КРЕСТИТЕЛЬ  
БЕРЛИНЪ    КОРОЛЕВСКИЙ МУЗЕЙ

Не тронувъ Флоренціи, Карлъ пошелъ далѣе на сѣверъ. Тутъ-то, наконецъ, произошла первая битва за всю эту войну. При Форнуово на рѣкѣ Таро встрѣтили французы войско союзниковъ, пытавшееся задержать ихъ. Обѣ стороны приписывали себѣ побѣду, но съ большимъ правомъ дѣлали это французы, такъ-какъ имъ удалось отбросить врага и очистить себѣ путь въ Пиемонтъ. Это произошло 6 іюля на сѣверѣ Италіи, а на югѣ Неаполь 7 іюля уже перешелъ подъ власть арагонцевъ. Положеніе французовъ сильно при этомъ пошатнулось. Этимъ воспользовались флорентійцы, чтобы потребовать отъ короля возвращенія тосканскихъ городовъ. Карлъ далъ стоявшимъ въ этихъ городахъ гарнизонамъ приказъ удалиться.

Но начальникъ пизанскаго гарнизона не послушался этого приказа. Просьбы гражданъ, ихъ золото, слезы одной пизанской красавицы, обѣщавшей свою любовь какъ награду, за спасеніе родного города отъ флорентійцевъ, противорѣчивые приказы, исходившіе отъ близкихъ къ королю лицъ, привели къ тому, что ворота Пизы оказались запертыми. Только Ливорно рѣшено было возвратить Флоренціи. Остальныя крѣпости французы за деньги продали Луккѣ и Генуѣ. Флоренціи оставалось лишь одно: возстановить свое право силой. Союза съ Франціей флорентійское правительство держалось крѣпко, но отказаться отъ Пизы оно не могло. Савонарола именемъ Господа, покровительствующаго флорентійскому народу, въ пламенныхъ выраженіяхъ предрекалъ, что Пиза будетъ снова принадлежать Флоренціи.

Пизанцы, опасаясь ухода французовъ, которые рано или поздно должны были оставить ихъ городъ, обратились къ Венеціи и къ Людовико Сфорца. Обѣ стороны обѣщали имъ поддержку, такъ-какъ каждая надѣялась приобщить Пизу къ своимъ владѣніямъ. Эта борьба Пизы за свободу, ея отчаянныя усилія удержаться на краю пропасти, въ которую Флоренція хотѣла столкнуть ее, вызываютъ сочувствіе всякаго, кто ближе знакомится съ этими событіями. Немногіе города съ такимъ мужествомъ отстаивали свою независимость. Но Савонаролѣ до этого не было дѣла. Пиза была для него Карфагеномъ, который долженъ быть разрушенъ. Ни тѣни милосердія не было въ его словахъ, когда онъ говорилъ о подчиненіи Пизы, какъ о наградѣ, ниспосланной Небомъ, и убѣждалъ флорентійцевъ сдержать себя и остаться вѣрными французской политикѣ. Въ рукахъ Савонаролы Флоренція была, какъ мягкій воскъ: все дѣлалось по его волѣ. Онъ обладалъ чудодѣйственной силой простыя, трезвыя слова превращать въ потокъ мощной рѣчи. Патетическая проповѣдь его кишѣла пословицами, вопросами и отвѣтами среди цитатъ изъ Св. Писанія и неожиданныхъ уподобленій практическаго характера, всегда доступныхъ пониманію. Онъ былъ душой города. Какъ въ наши дни хорошая газета ежедневно приноситъ своей

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО (?)  
ЮАННЪ  
КРЕСТИТЕЛЬ.



КОРОЛЕВСКИЙ  
МУЗЕЙ.  
БЕРЛИНЪ.

партіи извѣстное количество необходимыхъ для даннаго момента мыслей, такъ Савонарола удовлетворялъ потребности флорентійцевъ постоянно получать опредѣленную духовную пищу. Въ этомъ отношеніи Савонарола былъ неисчерпаемъ. Онъ говорилъ краткими предложеніями, безъ кричащихъ эпитетовъ, быстро и дѣловито, какъ говорятъ на улицѣ. Но мысли его неслись стремительнымъ потокомъ. И такъ-какъ онъ постоянно возвращался къ однимъ и тѣмъ-же вопросамъ, получившимъ у него съ

самаго начала опредѣленное освѣщеніе, то онъ не говорилъ своимъ слушателямъ ничего такого, что было-бы для нихъ неожиданнымъ и непонятнымъ, а только всякій разъ съ новой силой повторялъ то, что уже стало личнымъ ихъ убѣжденіемъ. Среди пророчествъ и религіозныхъ поученій онъ давалъ приказанія о томъ, какія носить одежды и какъ вести себя, дѣлалъ злободневныя политическія предписанія, соотвѣтствующія данному положенію вещей. При этомъ Савонаролѣ былъ присущъ особый тактъ, свойственный людямъ изъ народа: они умѣютъ владѣть толпой и даже при передачѣ самыхъ высокихъ мыслей не перестаютъ быть понятными темнымъ умамъ. Но одушевленіе доходило у него до фанатизма.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ Микель-Анджело вернулся изъ Болоньи. Политическое положеніе было тяжелымъ и гнетущимъ. Но художники еще работали, а богатые люди покупали у нихъ произведенія. Онъ немедленно устроилъ себѣ мастерскую. Нашелся и покровитель—и даже изъ семьи Медичи.

У стараго Козимо былъ братъ, рано умершій, при жизни считавшійся большимъ цѣнителемъ наукъ и искусствъ. Его потомки продолжали жить во Флоренціи, хотя правящая вѣтвь семьи относилась къ нимъ съ нескрываемой подозрительностью. Піеро дошелъ до того, что обоихъ своихъ родственниковъ, Лоренцо и Джіованни, которые, правда, вели противъ него козни даже въ самой Флоренціи и при дворахъ другихъ государей, заключилъ въ тюрьму. Лишь съ трудомъ удалось уговорить его замѣнить тюремное заключеніе изгнаніемъ въ одну изъ виллъ съ запрещеніемъ переступать ея границы. Но оба брата бѣжали во Францію и вернулись оттуда въ свитѣ французскаго короля. Послѣ паденія Піеро они явились во Флоренцію, отреклись, въ угоду черни, отъ имени Медичи и назвались Роролани, совершенно такъ-же, какъ герцогъ Орлеанскій, при подобныхъ-же обстоятельствахъ, принялъ имя Egalité. Связанные черезъ своихъ женъ съ высшей знатію Италіи и обладая крупнымъ состояніемъ, они снова поселились во Флоренціи и старались отличиться преданностью свободѣ.

Лоренцо поселилъ Микель-Анджело у себя и далъ ему работу. Онъ заказалъ ему изваяніе св. Іоанна въ образѣ мальчика—Санъ Джіованнино, какъ говоритъ Кондиви. Въ послѣднее время была найдена статуя, въ которой не безъ основаній можно признать это произведеніе. Ее открыли въ одномъ изъ дворцовъ Пизы, и она была куплена Берлинскимъ Музеемъ, гдѣ обратила на себя вниманіе знатоковъ не только своей прелестью, но и явными признаками, указывающими на рѣзецъ Микель-Анджело. Іоаннъ, съ чертами нѣжнаго юноши, исполненъ невинности, сходство его съ другими работами художника бросается въ глаза. Можно, слѣдовательно, допустить, что изваяніе это сдѣлано его рукой. Я лично, впрочемъ, не вполне убѣжденъ въ этомъ, такъ-какъ выраженіе

лица мальчика и манера обработки поверхности мрамора говорят противъ авторства Микель-Анджело. Во всякомъ случаѣ, если это дѣйствительно его созданіе, то не относится-ли оно къ болѣе позднему періоду его творчества, когда художникъ уже проживалъ въ Римѣ?



Параллельно съ работой надъ этимъ заказомъ Микель-Анджело сталъ высѣкать, на собственный счетъ, мраморнаго Купидона, котораго изобразилъ спящимъ шести-семилѣтнимъ мальчикомъ. Многіе хотять признать этого Купидона въ одной сохранившейся отъ того времени статуѣ, но вопросъ этотъ возбуждаетъ большія сомнѣнія.

МИКЕЛЬ-  
АНДЖЕЛО.  
РИСУНОКЪ  
ПЕРОМЪ



БРИТАНСКІЙ  
МУЗЕЙ.  
ЛОНДОНЪ.

ПЕРВЫЙ РИМСКІЙ ПЕРІОДЪ.

Въ теченіе зимы 1495—1496, когда Микель-Анджело работалъ надъ этими произведеніями, во Флоренціи разразились событія, по отношенію къ которымъ все случившееся до той поры могло показаться лишь умѣреннымъ прологомъ. Политическая буря еще не улеглась. Надежды союзниковъ завладѣть Флоренціей крѣпли, основываясь, главнымъ образомъ, на убѣжденіи, что рано или поздно удастся поспорить ее съ Франціей. Въ самой Флоренціи борьба между партіями отнюдь еще не улеглась. Продолжая свои пламенные проповѣди, Савонарола все-же принужденъ былъ понизить тонъ, и если-бы Римъ захотѣлъ въ эту минуту смирить строптиваго монаха, это ему, вѣроятно, и удалось-бы.

Въ концѣ 1495 года Медичи сдѣлали первую попытку силой оружія вернуть себѣ прежнюю власть. Ничего не добившись отъ французовъ, Піеро обратился къ союзникамъ, которые пошли ему навстрѣчу. Было рѣшено, что Флоренція пристанетъ къ союзу и откажется отъ своихъ притязаній на Пизу. Братья Медичи надѣялись, при содѣйствіи Сфорца, Бентивольи, Орсини и Сіены, завладѣть Флоренціей и привести ее къ подчиненію. Но раздоры между союзниками разрушили все предпріятіе и только усилили партію Савонаролы и его самого.



МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО (?)

SOUTH KENSINGTON MUSEUM, ЛОНДОНЪ.

КУПИДОНЪ.

Такъ обстояли дѣла передъ карнаваломъ въ началѣ 1496 года \*). Обыкновенно карнавалъ во Флоренціи начинался съ устройства фривольнаго всенароднаго представленія. На улицахъ кипѣло днемъ и ночью безумное веселіе, отъ остроумныхъ шутокъ до распутства, кончавшагося кровавой потасовкой. Граждане проводили время на площадяхъ. Центромъ празднества обыкновенно бывало торжественное шествіе съ пѣніемъ веселыхъ пѣсенъ, а завершалось все въ послѣдній день сожженіемъ на площади деревьевъ, увѣшанныхъ собранною по домамъ всякаго рода мишурой. Церемонія эта сопровождалась общей пляской вокругъ костра.

Савонарола поступилъ точно такъ - же, какъ поступила нѣкогда христіанская церковь: не возставая противъ самаго факта языческихъ праздниковъ, она прежнимъ ихъ формамъ старалась придать новый смыслъ. Онъ устроилъ и шествіе съ пѣснями, и собраніе даровъ, и костеръ на площади, и танцы вокругъ него. Но устроилъ все это по-своему. Всему были приданы высшій смыслъ, разумъ и порядокъ. Дѣти ходили по улицамъ, стучали въ двери домовъ и нѣжными голосами выпрашивали «предосудительныхъ вещей» съ тѣмъ, чтобы сжечь ихъ во славу Господню. Въмѣсто веселыхъ шествій по улицамъ двигались религіозныя процессіи, распѣвавшія псалмы. Въ послѣдній день масляницы на площади соорудили костеръ изъ собранныхъ дѣтскими вещами. Здѣсь были свалены въ кучу музыкальные инструменты, книги съ любовными стихами, тосканскими и языческими, картины, роскошныя одежды, духи,—однимъ словомъ все, что создано для услады жизни. На этомъ гигантскомъ кострѣ, подъ духовныя пѣснопѣнія, прославлявшія Христа, «короля Флоренціи», подъ изступленную пляску толпы, погибло много прекраснѣйшихъ созданій искусства. Всѣ принимали тутъ участіе—отъ ребенка до старика. Фра Бартоломео и Лоренцо ди Креди побросали въ огонь свои собственныя созданія. Та-же участь постигла драгоценныя изданія Петрарки и Виргилія.

Наступилъ постъ. Это были для флорентійцевъ дни покаянія и сокрушенія. Пламенные проповѣди Савонаролы бичевали народъ и не давали угаснуть въ сердцахъ огню религіознаго одушевленія. Дважды папа приказывалъ Савонаролѣ прекратить свои проповѣди, но правительство и римскіе друзья его добились снятія запрещенія. Надѣялись, что послѣ этого онъ умѣритъ свой задоръ. Но Савонарола шелъ все дальше и дальше въ своихъ обличеніяхъ, отдаваясь порыву и открыто высказывая крайніе выводы своего ученія. «Я спрашиваю тебя, Римъ, восклицалъ онъ, какъ терпитъ еще тебя земля на своемъ лонѣ»? Въ Римѣ больше одиннадцати тысячъ куртизанокъ. Ночи священники проводятъ у этихъ женщинъ, а утромъ служатъ мессу и даютъ причастіе. Все въ

\*) По флорентійскому календарю, который началомъ года считаетъ 25 марта.

Римъ продажно, всѣ должности, даже самую кровь Христову можно купить за деньги. Но онъ, Савонарола, не боится никого. Враги и клеветники только подтверждаютъ его слова. Но никому не дано будетъ загасить пламень, принесенный имъ на землю.

Многое уже исполнилось, но это лишь малая часть того, что онъ предсказывалъ. Римъ и Италія будутъ стерты съ лица земли, страшныя полчища мстителей наводнятъ страну и покараютъ своекорыстіе государей. Церкви, изъ которыхъ духовенство сдѣлало дома распутства, обратятся въ стойла для лошадей и нечистаго скота. Моръ и голодъ опустошатъ Италію. Такъ грозилъ Савонарола на четвертый день поста въ проповѣди, еще и сейчасъ при чтеніи производящей глубокое впечатлѣніе.

Неизвѣстно, до какой степени Микель-Анджело поддался такимъ настроеніямъ, но есть свидѣтельства, что онъ принадлежалъ къ сторонникамъ Савонаролы. До самой старости онъ продолжалъ изучать его писанія и сохранялъ въ душѣ впечатлѣніе его звучнаго голоса. Когда въ 1495 г., по требованію Савонаролы, началась перестройка залы Большаго Совѣта въ палаццо Синьоріи, Микель-Анджело былъ въ числѣ приглашенныхъ для руководства работами. Въ строительной комиссіи участвовали художники Сангалли, Баччіо д'Аньоло, Симоне дель Поллайuolo и другіе. Симоне дель Поллайuolo, болѣе извѣстный подъ именемъ Кронака, завѣдывалъ самой постройкой, а Фра Бартоломео взялъ на себя живописныя работы для воздвигнутаго въ залѣ алтаря. Все это были ревностные приверженцы Савонаролы, и среди нихъ находился и Микель-Анджело. 15 іюля былъ избранъ въ комиссію Кронака. Эта дата опредѣляетъ время возвращенія Микель-Анджело изъ Болоньи. Онъ долженъ былъ уже находиться во Флоренціи, такъ-какъ дѣятельность его въ комиссіи уже началась.

Несмотря на свою приверженность къ ученію Савонаролы, онъ, очевидно, не вполне отрекся и отъ свѣтскихъ настроеній, такъ-какъ создавалъ въ это время своего Купидона. Въ апрѣлѣ или въ маѣ 1496 г. онъ его закончилъ. Медичи пришелъ въ восторгъ отъ этой работы и указалъ художнику, какимъ образомъ получить за нее наивысшую плату. Слѣдовало придать мрамору такой видъ, будто онъ долго пролежалъ въ землѣ. Тогда онъ самъ пошлетъ статую въ Римъ, гдѣ за нее, какъ за античное произведеніе, можно будетъ просить большихъ денегъ. Повидимому, Медичи, несмотря на весь ихъ аристократизмъ, не потеряли купеческой смелости. Лоренцо обнаружилъ ее еще и въ другомъ случаѣ. Онъ сумѣлъ выгодно использовать наступившую во Флоренціи дороговизну, скупая въ Романьѣ хлѣбъ и продавая его во Флоренціи по бѣшеннымъ цѣнамъ.

Микель-Анджело послѣдовалъ его совѣту, придавъ поверхности мрамора видъ изъѣденнаго временемъ и сыростью камня и вскорѣ получилъ черезъ Лоренцо предложеніе отъ кардинала ди Санъ-Джіорджіо (того са-

маго Рафаэля Ріаріо, который служилъ мессу во флорентійскомъ Соборѣ въ день убійства Джуліано Медичи) уступить ее за тридцать дукатовъ. Мессеръ Бальдассарэ дель Миланезе, ведшій въ Римѣ переговоры по этому дѣлу, велѣлъ своему флорентійскому повѣренному выплатить эту сумму художнику, который такую цѣну счелъ, повидимому, достаточной.

Однако, секретъ происхожденія этой «античной» статуи не могъ остаться тайною навсегда. Правда дошла и до кардинала. Онъ разсердился и послалъ во Флоренцію одного изъ состоявшихъ у него на службѣ дворянъ разслѣдовать дѣло. Посланецъ притворился, что ищетъ скульпторовъ для работы въ Римѣ и пригласилъ къ себѣ, между прочимъ, и Микель-Анджело. Тотъ пришелъ, но вмѣсто того, чтобы принести съ собою напоказъ свои произведенія, взялъ перо и нарисовалъ на большомъ листѣ бумаги человѣческую руку въ натуральную величину, чѣмъ привелъ посланца въ неописуемое изумленіе. Послѣ этого онъ назвалъ свои произведенія, среди которыхъ безъ всякихъ оговорокъ упомянулъ и спящаго Купидона.

Тутъ посланецъ признался, съ какою цѣлью онъ позвалъ его къ себѣ, но при этомъ сказалъ, что кардиналъ будто-бы заплатилъ не тридцать дукатовъ, полученныхъ Микель-Анджело отъ мессера Бальдассарэ, а цѣлыхъ двѣсти. Такимъ образомъ Микель-Анджело почувствовалъ себя такъ-же обманутымъ, какъ и кардиналъ. Въ концѣ концовъ повѣренный кардинала предложилъ художнику переселиться въ Римъ, обѣщая дать ему пріютъ въ своемъ домѣ. Прельстившись разказами о томъ, что въ Римѣ онъ найдетъ открытое поле для примѣненія своего искусства и заработка денегъ и, кромѣ того, надѣясь заставить мессера Бальдассарэ уплатить недоданные сто семьдесятъ дукатовъ, Микель-Анджело отправился въ Римъ. Онъ прибылъ туда 25 іюня 1496 года.





